

домить, когда Вы снова будете в Риме, дабы я мог воспользоваться одной из моих ближайших поездок, чтоб Вас навестить.

Куклы Марии в Ирисе³ просто изумительные. Я все мечтаю привлечь ее для какой-нибудь интересной работы либо в Скале, либо в “маленькой Скале”. И я уверен, что мне это скоро удастся!

Целую Вашу ручку, дорогая Ольга Ивановна, и шлю самые сердечные поклоны Вам и милой Марии.

Ваш преданный Николай Бенуа

¹ На бланке “Независимое учреждение Театра Ла Скала. Директор художественно-постановочной части”.

² Герберт фон Караян (Herbert von Karajan, 1908-1989) – австрийский дирижер; с 1955 г. пожизненный музыкальный руководитель Берлинского симфонического оркестра; художественный руководитель Венской государственной оперы (1957-1964).

³ Оперу П. Масканьи “Ирис” с куклами Марии Синьорелли поставили сначала в Риме, в Театре Оперы (26 декабря 1956 г.), а потом в Милане, в Ла Скала, где премьера состоялась 23 мая 1957 г. Режиссер Margherita Wallmann, дирижер G. Gavazzeni, декорации и костюмы Veniero Colasanti и John Moore, директор постановочной части Н. Бенуа.

Milano 3. XII.<19>59¹

Дорогая Ольга Ивановна,

Я был бесконечно счастлив получить Ваше столь милое и сердечное письмо, и я спешу горячо Вас поблагодарить за добрую, дружескую память!

Я, действительно, безумно занят в настоящий момент подготовкой ближайшего сезона, но 5-го декабря непременно улечу время, чтоб посмотреть в телевизоре программу, посвященную изумительному искусству нашей дорогой и талантливейшей Марии!² С превеликим удовольствием узнал я о том, что ее фильмы получили в Венеции две первых премии,³ и я могу себе представить, что оные вполне заслужили подобные награды и всеобщее признание.

Должен Вам признаться, дорогая Ольга Ивановна, что к великому моему конфузу я еще не успел ознакомиться с Вашей книгой о Дузе,⁴ но лишь только успокоится первая волна наступающего сезона, я немедленно ее себе добуду и займусь ее чтением, предвкушая уже тот огромный интерес, который она во мне вызовет!

Когда Вы вновь соберетесь в Милан? На сей раз нам непременно надо будет встретиться! Ведь, действительно, прошло уже столько

лет!.. Примите, дорогая Ольга Ивановна, мой самый сердечный привет и передайте мой поклон милой Марии.

Любящий Вас Николай Бенуа

¹ На бланке “Независимое учреждение Театра Ла Скала. Директор художественно-постановочной части”.

² Вероятно, речь идет о передаче “Il libro di Dicembre” (“Декабрьская книга”), куда вошли: сказочные фантазии, небольшие стихотворения и балеты Марии Синьорелли. Режиссер W. Mastrangelo.

³ Речь идет о фильме “Pierino Salvadanaio ” (“Пиерино копилка”), режиссер Filippo Paolone); куклы Марии Синьорелли. Фильм был представлен 10 июля 1959 г. на XI международном кинофестивале детского кино (в рамках Венецианского фестиваля) и получил Todaro d’argento – первую премию в секции фильмов для детей от 8 до 12 лет, а также Серебряную гондолу – первую премию Centro Internazionale per la Diffusione delle Arti e delle Lettere mediante il Cinema (Международный центр по распространению искусства и литературы с помощью кино), как лучший фильм для детей (см.: *Bassotto C. Il film per ragazzi e il documentario a Venezia 1946-1968. Venezia 1968*).

⁴ Имеется в виду кн.: *Resnevic Signorelli O. Eleonora Duse. Roma: G. Casini, 1955*.

ПЕРЕПИСКА Н. Н. БЕРБЕРОВОЙ И В. Ф. ХОДАСЕВИЧ
С ОЛЬГОЙ РЕСНЕВИЧ-СИНЬОРЕЛЛИ (1923-1933)

Публикация Эльды Гаретто

Публикуемая переписка относится к первым годам эмиграции Нины Берберовой и Владислава Ходасевича и охватывает период их скитаний по Европе, до обоснования в Париже, и первые годы их парижской жизни:

После Берлина я много ездил, и это, кажется, было главным признаком моего существования. Вы только подумайте: не считая разных мелких городов, побывал я после Берлина в Праге, Мариенбаде, опять в Праге, в Вене, в Венеции, в Риме, в Турине, в Париже, в Лондоне, Бельфасте, опять в Лондоне, Париже, Турине, Риме, в Неаполе, в Сорренто, в Риме, в Париже...¹

Знакомство состоялось в Берлине в конце августа 1923 года, где Ольга Ресневич-Синьорелли была проездом, и где Павел Муратов, недавно познакомившийся с ней в Италии, представил ее своим близким друзьям: Андрею Белому, Владиславу Ходасевичу и Борису Зайцеву.² Возможно, идея поездки в Италию и получения итальянской визы возникла во время этих встреч.

К моменту начала переписки Ходасевич и Берберова жили в Германии уже больше года. Ходасевич в тот период, как и многие другие русские в Берлине, еще не считал себя эмигрантом, чувствовал открытую неприязнь к белой эмиграции, и даже не исключал возможности возвращения в Россию.³

¹ Письмо Ходасевича к Б. А. Диатропову от 15 сентября 1925 г. (*Ходасевич В.* Собр. соч.: В 4-х т. М. 1997. Т. 4. С. 491-492).

² В “Камер-фурьерском журнале” Ходасевича, имя Синьорелли фигурирует в записях от 30-го августа и 22-го и 24-го сентября 1923 г. См. *Ходасевич В.* Камер-фурьерский журнал. М. 2000. С. 49-50. См. также письма Муратова во втором томе наст. издания.

³ Для характеристики настроений Ходасевича очень показательна переписка того периода (*Ходасевич В.* Собр. соч. Т. 4. С. 447-471). См. также в его очерке “Горький” (Там же. С. 155).

Тесные связи с Горьким и совместная работа над журналом “Беседа” были для Ходасевича главной опорой, а когда экономический кризис в Германии стал усиливаться с каждым днем, и издательства закрывались одно за другим, Ходасевич и Горький начали обдумывать возможность уехать из Берлина и перевести издание “Беседы” в другую страну. Сначала обсуждался австрийский вариант, но потом они начали думать о других странах.

Париж, как центр эмиграции, тоже отталкивал Ходасевича: “...мы оба боялись Парижа, боялись эмиграции, боялись безвозвратности, окончательности нашей судьбы и бесповоротного решения остаться в изгнании”.⁴ Причины, по которым Италия казалась Ходасевичу лучше других стран, изложены в переписке; так он писал Анне Чулковой:

Париж очень дорог. Прага – бездарное место с совершенно озверелой эмиграцией. Италия всех дешевле и всех дальше от эмигранткины <...> если поеду в Италию, то это не роскошь, а нужда. Это только красиво звучит: “он катается по Италиям”. Никому не советую мне завидовать, и в Италию, о которой я так мечтал, мне ехать совсем не хочется.⁵

Муратов, несмотря на собственные мучительные колебания, связанные с решением оставаться на Западе или вернуться в Россию, живо следит за сложным процессом, связанным с оформлением визы для друзей, постоянно справляется у Синьорелли и информирует ее об их настроениях.

Приглашение для получения визы оформляется, как мы узнаем из публикуемой переписки, римским Институтом Восточной Европы, который именно в тот период устраивает в Риме цикл чтений с участием русских ученых и писателей, высланных из России. Имена Берберовой и Ходасевича не включены в список докладчиков, но по-видимому Муратов, курируя из Берлина организацию мероприятия, заботится о судьбе друзей. В переписке с Синьорелли Берберова сообщает Синьорелли о скором отъезде отдельных участников конференций (Бердяева и Осоргина) и, в ожидании визы, изучает итальянский язык. Вскоре однако становится ясным, что из-за бюрократических сложностей ожидание может оказаться очень долгим, тогда Ходасевич уезжает в “бездарную” Прагу, где у него нет близких друзей и он может рассчитывать только на случайное сотрудничество в журнале “Воля России”.⁶

⁴ Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. М. 1999. С. 246.

⁵ Письмо к А.И. Чулковой от 21 октября 1923 г. (Ходасевич В. Собр. соч. Т. 4. С. 464).

⁶ Ходасевич публикует в “Воле России” две главы из книги “Поэтическое хозяйство Пушкина” – “Гробница поэта” (1924. № 8-9) и “Молитва Иосифу” (1924. № 1-2), а также стихотворение “Доволен я своей судьбой...” (1924. № 1-2. С. 306).

... в одно прекрасное утро, не получая итальянской визы, я решил дожидаться ее в Праге. Предчувствия меня не обманули: мы выскочили из очумелого Берлина 5 числа, а 6-ого там уже пошла всякая чепуха.⁷

Надо полагать, что решение переехать в Прагу в какой-то мере продиктовано также мыслью о том, что Горький (тоже в ожидании итальянской визы), скоро приедет в Чехословакию, и свидетельствует о прочности связи двух писателей в те годы, когда Ходасевич вкладывал много энергии в журнал “Беседа”, и еще не разочаровался окончательно в Горьком.

Как видно из переписки с друзьями, отрицательное мнение поэта о русской Праге усилилось после приезда, и он, прожив там месяц, с облегчением принял предложение Горького переехать к нему в Мариенбад. Ходасевич и Берберова остались там до отъезда в Италию, 13 марта 1924 года.⁸ Маршрут по Италии можно проследить по “Камер-фурьерскому журналу” и по письмам: “Мы пробыли 8 дней в Венеции (...) Поехали во Флоренцию, но в поезде передумали и докатились до Рима. Там прожили три недели”.⁹

Приехав в Рим утром 23 марта, они почти каждый день встречались с Ольгой Синьорелли, у нее дома, на прогулках по Риму, или в Caffè Greco, и почти всегда вместе с П. П. Муратовым и Н. А. Оцупом.¹⁰

Переписка с Ольгой Синьорелли возобновляется через месяц после отъезда из Италии и переезда в Париж: Берберова пишет ей об их новой жизни, рассказывает о первых впечатлениях о городе, далеко не восторженных: для Ходасевича это – “бензин, кухня, пудра”, его угнетает отсутствие неба (письмо № 8).

Выехав на лето в Ирландию, где Ходасевич и Берберова жили у двоюродной сестры Нины Николаевны, которая была замужем за англичанином, они снова обращаются к Ольге Синьорелли и сообщают ей о намерении поехать к Горькому, который приехал в Италию в день отъезда Ходасевича и не смог с ним встретиться. Тема второй визы в Италию проходит и в переписке Ходасевича с Горьким и в переписке самой Синьорелли с Горьким.¹¹

⁷ Письмо А. В. Бахраху от 7 ноября 1923 г. (Ходасевич В. Собр. соч. Т. 4. С. 466).

⁸ “Потом пришла моя виза, но развалились зубы. Пришлось вырывать все старые и делать новые. На это ушло 1 1/2 месяца” (Письмо к М. О. Гершензону от 6 августа 1924 г. Там же. С. 474).

⁹ Там же. С. 475.

¹⁰ Ходасевич В. Камер-фурьерский журнал. С. 56.

¹¹ 8 сентября 1924 г. Синьорелли пишет Горькому: “Уважаемый Алексей Максимович, визу для Ходасевича и Берберовой достала и сегодня же она отправляется в па-

Уехав из Ирландии 26 сентября 1924 года Ходасевичи возвращаются в Париж, чтобы забрать визу и отправиться в Италию. После краткой остановки в Риме, где они опять встретились с Синьорелли и с Муратовым, Берберова и Ходасевич приехали в Сорренто 9 октября.¹² В первом письме оттуда, датированном 22 октября, Нина Берберова передает своей корреспондентке первые впечатления о соррентийской жизни.

В письмах Берберовой и Ходасевича из Сорренто проходят главные темы, касающиеся их общей жизни и работы с Горьким в течении полугодового пребывания в его доме: работа для “Беседы”, их творческая деятельность, сведения об обитателях виллы “Il Sorito”, которая была снята еще весной по настоянию Ходасевича, о чем он вспоминает в своем мастерском очерке о Горьком. Дни в Сорито проходят довольно мирно, трудолюбиво и весело, а горьковская библиотека предоставляет широкий выбор как новой, так и классической литературы. Во время пребывания Берберовой и Ходасевича у Горького, в Сорренто приезжают племянница Ходасевича, Валентина с мужем (тоже благодаря хлопотам Синьорелли о визе).¹³

Из переписки мы узнаем также, что Берберова и Ходасевич исполняли роль посредников между Горьким и Синьорелли в ее деятельности переводчика. Речь идет главным образом о переводе работ Горького, но и о других замыслах, которые, правда, так и не осуществились. В письме от 9 февраля 1925 (№ 19), именно в связи с неудачными попытками помочь Синьорелли в получении интересующих ее текстов для перевода, Ходасевич выражает свое возмущение атмосферой интриг и домашнего шпионажа, которой окружен Горький. У него начинает вызывать раздражение не только антураж Горького, главным образом М.И. Будберг, но и сам “Дука”, с его “изворотами”, непоследовательностью и уклончивостью в оценке советской власти. Конец “Беседы” ускоряет решение об окончательном разрыве отношений с Горьким.

Последняя часть переписки относится к жизни Берберовой и Ходасевича в Париже, в 1925-1926 годах Берберова рассказывает Синьорелли о новостях в их жизни, о первом настоящем доме в Париже, о знакомых, об их творческой деятельности, о здоровье Ходасевича и о собственном состоянии души.

рижское консульство” (Архив А. М. Горького. КГ Рз 8 – 13/1). А 23 сентября она ему же пишет: “Ходасевич писал мне, что приедут в Рим 6 октября” (Архив Горького, КГ Рз 8 – 13/4).

¹² Ходасевич В. Камер-фурьерский журнал. С. 65.

¹³ См. письма В. М. Ходасевич во втором томе наст. издания.

После четырехлетнего перерыва, переписка возобновляется в 1930 году, в связи с выставкой Марии Синьорелли в Париже, успеху которой дружески содействовала и Берберова, пригласив знакомых и написав рецензию.

Затем, в 1932 году Ходасевич обращается к Синьорелли с просьбой быть гарантом для Владимира Вейдле, который собирается в Италию, а Берберова сообщает ей, что они разошлись.

Переписка привносит дополнительные детали к биографической канве двух писателей. Она носит дружеский и бытовой характер, почти не касается творческой работы Ходасевича и лишь частично отражает писательскую деятельность Берберовой. Настроение ее в этих письмах в какой-то мере созвучно настроению на страницах “Курсива”, написанного много позже. К сожалению, это не относится к письмам Ходасевича, которые носят более деловой характер, и в которых почти отсутствуют его остроумие и талант мастера эпистолярного жанра, тогда как резкие и живые характеристики Берберовой отражают ее темперамент (см. высказывания о Вяч. Иванове, Зайцеве и Осоргине).

Синьорелли не входила в круг самых близких друзей Берберовой и Ходасевича, но все же отношения с ней нельзя назвать чисто деловыми. Они испытывали к ней чувство глубокой благодарности и симпатии, их связывала общая дружба со многими эмигрантами. Судя по письмам, Берберова ценила ее интерес к литературе и к искусству. Переписка содержит также новые подробности о долгих и мучительных колебаниях Муратова, связанных с решением вопроса о возвращении в Россию и детали обстановки в доме Горького в Сорренто.

Письма Берберовой и Ходасевича были нами опубликованы в 2000 году (*Газетто Э.* Письма В. Ходасевича и Н. Берберовой. Из архива Ольги Ресневич Синьорелли (1923-1932) // *In Memoriam: Исторический сборник памяти А. И. Добкина.* М. 2000. С. 277-300). Письма к ним О. Синьорелли публикуются впервые. В публикацию входят все письма Берберовой и Ходасевича, хранящиеся в FSFC и 13 ответных писем Синьорелли, хранящиеся в Гуверовском архиве (Boris I. Nicolaevsky Collection, box 402, folder 9, microfilm reel 286, Hoover Institution Archives). Письма печатаются по автографам, кроме письма № 30, которое воспроизводится по копии в фонде Синьорелли. Ходасевич всегда писал, следуя правилам старой орфографии, Берберова – новой. В настоящей публикации мы переводим все письма на современное правописание. Содержание некоторых писем перекликается с письмами П. П. Муратова и В. М. Ходасевич, опубликованными во втором томе настоящего издания. В дальнейшем во избежании повторов мы указываем только даты писем этих корреспондентов без указания тома.

В. Ф. Ходасевич. Рисунок Н. Н. Вышеславцева. 1922 г.

1

В. Ф. Ходасевич – О. Синьорелли

<начало/ середина октября 1923 г.>¹

Berlin W. 30, Victoria-Luise Pl., 9

Pension Crampe

Многоуважаемая Ольга Ивановна,

Павел Павлович² мне говорил, что Вы уже предприняли шаги по поводу нашей визы. Большое Вам спасибо за это. Мы уже подготовили все к отъезду. Теперь, так сказать, сидим на запакованных чемоданах и на другой день после получения визы тронемся в путь.

Целую Вашу руку. Жена тоже благодарит и шлет привет.

Владислав Ходасевич

¹ Датируется по содержанию.

² П. П. Муратов.

2

Н. Н. Берберова – О. Синьорелли

Berlin W. Victoria-Luise Pl. pens. Crampe

20. X.<1923>¹

Многоуважаемая Ольга Ивановна,

простите меня за беспокойство: я решаюсь обратиться к Вам. Сегодня во второй раз была в Итальянском консульстве, – там мне сказали, что ни мне, ни Ходасевичу визы еще нет. По их словам выходит, что раньше, чем в субботу, 27-го числа, визы быть не может, ибо курьеры из Рима приезжают только по пятницам. Поэтому я решила сегодня послать Вам телеграмму – не будете ли Вы так добры попросить, чтобы визу переслали в берлинское консульство по телеграфу? Простите за все это беспокойство: знаю отлично, что Вас не в меру затрудняю.

Пав<ла> Пав<ловича> выдаю ежедневно. Мне трудно о нем писать. Когда увижу Вас, то расскажу Вам о нем многое. Ваши письма его бодрят и радуют. Спасибо Вам. Ехать в Россию он решил; обещает весной вернуться, – но вынесет ли весь этот крест, – не знаю. Настроение его буквально отчаянное. Если бы Вы были здесь – может быть нам вдвоем удалось бы его “не пустить”. Вы не поверите, как и я и Ходасевич его уговариваем, – но все понапрасну. Душевное его состояние ужасно.²

Еще раз благодарю Вас за все Ваши заботы о нас. Бердяевы и Осоргин едут завтра.³ Жму Вам руку, Ходасевич сердечно кланяется.

Ваша Н. Ходасевич-Берберова

¹ Датируется по содержанию.

² О долгих и тяжелых колебаниях П. П. Муратова по поводу возможного возвращения в Россию, см. его письма к Синьорелли за август, сентябрь и октябрь 1923 г.

³ Николай Бердяев и Михаил Осоргин участвовали в цикле чтений, организованном в 1923 г. в Риме Э. Ло Гатто в итальянском Институте Восточной Европы. См. письма Бердяева в наст. томе и письма Осоргина во втором томе наст. издания.

3

О. Синьорелли – Н. Н. Берберовой

24-го октября <19>23, Рим

Получаю как раз Ваше письмо, по которому вижу, что посылая вчера телеграмму на № 3 Вам, я ошиблась, но, надеюсь, вы ее все равно получили. Нам обещали дать вам визу по телеграфу, так как мы тут им сказали, что и Вы и Ходасевич приглашены Восточ<ным> Институтом, а виза будет выслана вам вместе с визой Карсавину.¹ До скорого свидания, надеюсь, и всего-всего наилучшего.

О. Ресневич

Пишите мне про П<авла> П<авловича>.

¹ Историк и религиозный философ Лев Платонович Карсавин (1882-1952) был среди приглашенных профессоров на цикл лекций в Риме в ноябре-декабре 1923 г.

4

Н. Н. Берберова – О. Синьорелли

30. X. 1923

Berlin. Victoria-Luise Pl. 9, Pens. Crampe

Многоуважаемая Ольга Ивановна,

обе Ваши открытки я получила,¹ а не отвечала потому, что все поджидала визу. Вчера была в консульстве. Визы все еще нет. Надо терпеливо ждать: ничего не поделаешь. Они говорят, что и “телеграфно” визы идут через курьера. Следующий курьер ожидается завтра, так что послезавтра, в четверг, я опять пойду справляться. Думаю, что на сей раз я получу. А если нет – буду ждать еще и еще.

Берлин пуст. Остались буквально П<авел> П<авлович> и мы. Теперь расскажу Вам о П<авле> П<авловиче>. Он до последних дней ко-

Н. Н. Берберова. 1920-е гг.

лебался, ехать ему в Россию или нет, несмотря на категорические письма к Вам и вообще в Италию. Он ждал присылки ему денег из России, без кот<орых> не представлял поездки в Москву. Третьего дня пришла телеграмма, что деньги эти он не получит. Он пришел ко мне. Лицо его сияло! Он едет в Италию! Жизнь в Москве без копейки, конечно, казалась ему невозможной. Он решил с женой и сыном ехать в Рим. Жена его принципиально была на это согласна. Он ушел от нас с тем, чтобы вечером послать уже в Рим телеграмму.² Но вечером пришел еще раз; и объявил, что окончательно едет в Россию. Мотивы: все та же семейная обстановка, ставшая ему невтерпеж. Ему были поставлены ряд условий (обязательное возвращение в марте в Москву, совместная жизнь в Риме и пр.) кот<орых> он не смог принять. Мне осталось только изо всех сил бодрить его. Действительно: с вокзала же он отправится в Москве *один* жить к своему приятелю, и это уже очень хорошо. Даст Бог, обойдется зима, (денежно) и через четыре месяца он вернется в Италию спокойно и свободно. Я, может быть, ошибаюсь, но думаю, что вернется *он без сомнения*, если только политически это будет возможно. Настроение его мрачно. Ужасно, что помочь ничем нельзя, только добрым словом, а это, что ни говорите, все-таки очень мало. Он обязательно хочет сперва проводить нас, а потом уже ехать. Он ходит со мной в консульство и занимается итальянским. Я думаю,

что, приехав в Италию, скоро заговорю. Пока одолела грамматику, (что очень ведь просто). Мы мечтаем с Ходасевичем возобновить в памяти латынь. Вообще мысли и даже сны – все об одном, – об Италии.

Еще раз очень и очень благодарю Вас за все, что Вы сделали для нас, дорогая Ольга Ивановна! Простите за беспокойство, кот<орое> мы причиняем Вам. Я надеюсь, что послезавтра я наконец получу визу – тогда мы выедем буквально в 3 дня. Неделю мы пробудем в Венеции, а оттуда во Флоренцию, где и остановимся – пока. Я напишу Вам тотчас же по получению визы. Спасибо еще раз.

Ваша Нина Берберова

Ходасевич низко Вам кланяется.

<приписка Ходасевича>:

Многоуважаемая Ольга Ивановна,

я все же не уверен, что и в четверг виза будет. Между тем, мы напрасно проживаем здесь дни, кот<орые> могли бы прожить в Италии. Поэтому, если не трудно, – не *напомните ли*, кому надо, что если визу еще не послали, то чтобы послали со следующим курьером.

Простите, что так затрудняю Вас. Но я сижу, жду – и не могу работать.

Целую Вашу руку. Владислав Ходасевич

¹ Сохранилась только публикуемая открытка от 24 октября 1923 г.

² В тот же день Муратов отправил Синьорелли следующее письмо: “Дорогая Ольга Ивановна! Мы скоро увидимся... Мне стыдно написать Вам эту удивительную вещь. Но таковы русские!” (см. письмо от 30 октября 1923 г.).

5

В. Ф. Ходасевич – О. Синьорелли

1 ноября 1923

Берлин

Многоуважаемая Ольга Ивановна,

сегодня выяснилось, что виза еще не получена из Рима. Следующий курьер придет только 8 ноября, – да и то нет гарантий, что он привезет наши визы. Поэтому мы решили переждать это время в Праге. К Вам же у меня просьба: пожалуйста, попросите в Министерстве, чтобы визы послали нам не в Берлин, а *в Прагу, в Чехословакию*. Если бы Вы были добры внести деньги в министерство на посылку визы по телеграфу – я был бы Вам бесконечно благодарен, так как нам не хочется долго сидеть в Праге. Если бы Вы сейчас были в Берлине, то поняли бы

причины, по которым мы так поспешно уезжаем. Мы едем 4 числа утром.

Павел Павлович, как Вы знаете, переменял решение и едет в Италию. Но я думаю, что к тому времени и ему придется ехать через Прагу. Он едет в среду, 7 числа.

Пожалуйста, не сердитесь за причиненные хлопоты – и, если можно, постарайтесь, чтобы мы могли явиться в Риме благодарить Вас.

Целую Вашу руку. Нина Николаевна шлет сердечный привет.

Владислав Ходасевич

Мой пражский адрес: Panu W. Chodassewic. Uhelny trh, 1. "Volia Rossii" Praha II. Tschekoslovakie.

Слева направо в втором ряду: А. М. Ремизов, В. Ф. Ходасевич, П. П. Муратов, Н. Н. Берберова; в первом ряду: Андрей Белый, М. А. Осоргин, А. В. Бахрах, Б. К. Зайцев. Берлин, 8 сентября 1923 г.

6

Н. Н. Берберова – О. Синьорелли

<30 апреля 1924>¹

Paris (XIV), 207 Boulevard Raspail

Милая Ольга Ивановна!

Сегодня понедельник – ровно четыре недели прошло с тех пор, как мы были на Фраскати.² Я потеряла понятие о времени года: тогда была весна, а сейчас здесь осень – туманная и холодная. Мало радостного было за это время; от Италии остался большой свет, – им и живу.

Первая моя мысль была о Вас, когда я узнала о кончине Дузе.³ Это Вы научили меня как-то угадывать в ней большого человека. Тысячу раз жалею, что ни разу не видала ее. Думаю, что Вам очень больно сейчас, – всем сердцем разделяю Вашу печаль.

Мы устроились в чудесном квартале, видимся с немногими людьми,⁴ живем замкнуто. Думаю, что это надолго, чувствую, что нашли какую-то оседлость. Говорят, Париж прекрасен – но я пока не вижу.

В<ладислав> Ф<елицианович> собирается много работать – иначе и нельзя. Жизнь здесь прямолинейна и сурова. Кое-как нашли обиталище: комнату и кухню. Я хозяйничаю сама – пока это меня не угнетает, – а в кухне висит портрет Геге, над моим “письменным” столом.

Стихов не писала пока, но кажется напишу, и тогда пришлю Вам, если позволите, – в душе много накопилось за тот лучший месяц, проведенный в Италии.

Я писала Павлу Павловичу недавно. Как здесь ни трудно, но прожить все же можно, а в особенности ему, – но его не уговоришь.⁵ А из России плохие вести. Душа разрывается, когда подумаю о нем, но я помочь ничем не могу, могу только, кажется, портить.

Милая Ольга Ивановна, не ругайте меня, что я долго не писала и написала короткое письмо. Я совсем не умею писать писем, могу только вспоминать и любить – что и делаю.

Целую Вас и прошу передать поклон мой г-ну Профессору.

Ваша Нина Берберова

Если будете мне писать, то, пожалуйста: две фамилии.

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

² Frascati, городок в окрестности Рима, известный своими старинными виллами, парками и фонтанами. По “Камер-фурьерскому журналу” (С. 56) Ходасевича экскурсия в Фраскати состоялась 7 апреля.

³ Элеонора Дузе умерла 21 апреля 1924 г., была близка с О. Синьорелли, которая после смерти друга посвятила ей книги и издала ее письма; см. об этом в письмах как русских, так и итальянских корреспондентов во всех томах наст. издания.

⁴ В “Камер-фурьерском журнале” (С. 57-59) после приезда из Италии до конца апреля упоминаются Осоргин, Ремизов, Познеры, старшая сестра Ходасевича Евгения, издатель Гржебин и А. И. Гуковский, соредaktor “Современных записок”.

⁵ Муратов переехал в Париж в марте 1927 г.

7

О. Синьорелли – Н. Н. Берберовой

13 июля 1924

Рим

Дорогая Нина Николаевна,

не взглядывая на число на Вашем письме, отвечаю как будто я получила его вчера.

Хоть предупредила вас об этом одном из моих главнейших недостатков, медлила все-таки слишком долго: это тем более непростительно, так как ваше доброе письмо тронуло меня глубоко и пришло в очень тяжелую минуту моей жизни.¹

От всего сердца спасибо вам за это.

Вы, конечно, поймете мою-нашу радость, когда Павел Павлович решил отложить свою поездку в Россию.² Хотя и теперь его положение очень неопределенно – но все-таки он пока тут – и это уже много!

Скоро я его увижу в Sorrento, и он мне говорил, что к осени и вы туда собираетесь: как жалко, что меня уже там не будет. Но я от души рада, что и вам придется побыть в этом рае земном в самом полном смысле этого слова. Но все же – вы поедете же через Рим, и мы опять бросим soldo nella Fontana di Trevi³ и выпьем красное или белое довольно скверное вино в нашей “Pizzeria”, которая переходит в историю, благодаря последним темно политическим событиям. И помнится мне рассказ Оцупа⁴ о его почти такого рода приключениях в России.

Простите это сухое и серое письмо: но жара стоит такая, что высыхают не только идеи и мысли, но даже чернила под пером, а притом – как я вам говорила – и я не умею писать писем.

Надеюсь, что Вы работали, и очень прошу, пришлите мне что-нибудь из ваших стихов.

И пишите мне скоро.

Привет Ходасевичу. Целую Вас крепко. Ваша Ольга Ресневич

Адр<ес> от 25 июля до конца августа: Hôtel Cocumella. S. Agnello di Sorrento (Napoli).

<приписка на полях>

Просила искать для меня в Берлине Дневник Достоевской,⁵ о котором вы мне говорили, но там его не нашли. Нельзя ли найти его в Париже?

¹ Имеется ввиду смерть Дузе.

² Весной 1924 г. Муратов снова начал собираться в Россию.

³ По старой традиции бросать монетку в фонтан Треви – примета, которая дает надежду на возвращение в Рим.

⁴ Речь идет о поэте Николае Оцупе (1894-1958). См. его письма во втором томе наст. издания. Политические обстоятельства фашистской Италии после похода на Рим в октябре 1922 г. напоминают Ольге Синьорелли рассказы Николая Оцупа о пореволюционных годах, воспоминания о которых вошли в книгу: *Оцуп Н. Современники*. Париж 1961 (см. первую часть книги “Петербургские воспоминания”. С. 7-114).

⁵ Имеется в виду книгу: *Достоевская А. Г. Дневник 1867 года*. М.: Новая Москва, 1923. В эти годы Синьорелли работала над переводом “Бесов” и др. произведений Достоевского.

8

В. Ф. Ходасевич и Н. Н. Берберова – О. Синьорелли

6 авг<уста 1>924

Croft House, Holywood, Co. Down, Ireland

Милая Ольга Ивановна,

если я из Парижа не писал Вам, то не потому, что забыл вас, а потому, что уж очень не мастер писать письма. К тому же, моя парижская жизнь была так беспокойна и трудна, что сил не было собраться с мыслями. Теперь мы в Ирландии, отдыхаем и понемногу становимся людьми. Здесь очень уединенно и тихо, виден из моего окна даже кусочек моря.¹ Я собираюсь приняться за писание стихов, а Нина много времени проводит со своей матерью, приехавшей сюда на время из России.²

После Италии Париж (в котором я раньше не бывал) показался мне очень серым и грубым, чем-то вроде похорошевшего Берлина. Здесь, в Ирландии, и то лучше. Главное – хоть плохое, а небо. А Париж – бензин, кухня и пудра. Поэтому я с ужасом думаю о возвращении туда и очень хотел бы избежать этого, – что, отчасти, зависит от Вас. Мы уедем отсюда в конце сентября. Ах, если бы Вы могли и захотели добыть нам к тому времени итальянскую визу! У нас, кажется, будут деньги, и мы сможем поехать в Италию: в Рим – к Вам, и в Сорренто – к Горькому.³ Пожалуйста, напишите, можем ли мы рассчитывать на Вашу помощь. Я нарочно пишу так рано, чтобы в сентябре не задержа-

ваться в Париже, а остановиться там на несколько дней, получить визу итальянскую и ехать в Италию.

Если бы Вы были добры похлопотать о нас, то вот необходимые сведения о наших особах:

1) Ходасевич, Владислав (Khodassevitch, Vladislav). Родился в Москве в 1886 г. Литератор. Паспорт советский. Цель поездки – лучше всего любовь к Италии, можно – здоровье. В последний раз был в Италии с 14 марта по 14 апреля этого года.

2) Берберова, Нина (Berberova, Nina). Родилась в Петербурге в 1901 году. Литератор. Паспорт советский. Цель поездки – та же. В последний раз была в Италии с 14 марта по 14 апреля этого года.

Визы должны быть направлены в *Парижское* консульство итальянское, т. к. здесь консульства нет, а в Лондоне мы не остановимся.

Все это я нарочно пишу на зеленой бумаге, чтобы она не затерялась между Вашими вещами, а еще потому, что это – цвет надежды.

Да! прося для нас визы, укажите, что мы едем *из Франции* и что у нас есть *обратные французские визы*, это сильно облегчает дело. Пришла Нина и требует, чтобы я оставил низ страницы для нее. Она хочет писать Вам. Будьте здоровы. Пожалуйста, ответьте вообще и о визе – в частности. Целую Ваши руки.

Владислав Ходасевич

<письмо Нины Берберовой>

Ирландия, дорога Ольга Ивановна, это такой север, такая осень, такое белое небо, что и сказать нельзя. Живем мы английской жизнью, размеренной, “удобной” и однообразной. Люди и страна без аромата, без гибкости. На душе безмятежно, ибо не может быть иначе, когда раз-за три в день ходишь в огород и ешь клубнику, когда лежишь на ковре возле камина, питаешься поджаренным хлебом – Вы представляете себе это! Да еще Ходас<евич> научился вечерами играть в бридж. У меня полная уверенность, что я на другой планете, где люди не видели никогда ни зноя, ни синевы.

У меня здесь большая радость: моя мама приехала из России на два мес<яца> чтобы повидать меня. Когда слушаешь ее рассказы о тамошней жизни, жалеешь, что нет возможности крикнуть на весь мир об этом: Вы понимаете, что о преувеличении не может быть и речи; то, что делается сейчас там в смысле высылания ни в чем неповинных людей в Сибирь – ужасно. Причем детей отсылают обязательно в другое место и жену в третье. Люди стреляются на каждом шагу. Из моих друзей (молодежи) лишь двое оставлены, остальные “вычищены” из университетов.

Милая Ольга Ивановна, как мне ни совестно Вас беспокоить, но я присоединяюсь к просьбе В<ладислава> Ф<елициановича> о визе. Уж очень тянет нас использовать маленькую возможность побыть снова в Италии.

Целую Вас. Ваша Н. Берберова

Письмо Оцупу я передала.

¹ О своем пребывании в Ирландии Ходасевич написал очерк “Бельфаст” (Последние новости. 26 мая 1925). О пребывании в Ирландии см. также *Ходасевич В.* Собр. соч. Т. 4. С. 474-480.

² Мать Н. Н. Берберовой, Н. И. Караулова, дочь тверского помещика и земского деятеля.

³ См.: *Ходасевич В.* Собр. соч. Т. 4. С. 477-478.

9

О. Синьорелли – Н. Н. Берберовой

7-го сентября <1924>,¹ Рим

Via XX Settembre 68

Дорогая Нина Николаевна,

получила Ваши письма и обрадовалась очень вашему скорому приезде. Хотела и собиралась писать очень длинное письмо, но время пролетело незаметно, и так и не собралась: когда приедете поговорим обо всем и покутим по-настоящему.

Вернулась в Рим 4-го сентября и сейчас хлопотала о визе и подписала ручательство. Обещали, что в понедельник ее вышлют и что, во всяком случае, в следующую субботу она будет в парижском консульстве. Горький просил хлопотать и для Diederichs,² но тут оказалось, что они уже подали прошение в Лондоне и таким образом *нельзя обойти* Мин<истерство> Внутр<енних> Дел: во всяком случае, постараюсь, чтобы там двинуть дело.

Дайте мне знать день Вашего приезда и до скорого свидания, жму ваши руки. Ваша Ольга Ресневич

Павла Павловича не узнать: он добрый, веселый.

¹ Датируется по содержанию.

² Имеется ввиду В. М. Ходасевич и ее муж А. Р. Дидерикс.

10

Н. Н. Берберова – О. Синьорелли

12. IX.<1924>¹

Croft House, Holywood, Co. Down

Дорогая Ольга Ивановна,

не знаю, как благодарить Вас за Ваши хлопоты и письмо! Вчера получила его и совсем мы как дети прыгали и радовались весь день. Если все свершится, как мы предполагаем, т. е. виза будет в Париже до нас, то, думаю, числа 6-7-го окт<ября> увижу Вас, фонтаны, форум. Отсюда мы выезжаем 26-го. Рады бы раньше, да нельзя. 27-ого вечером в Париже. Пробудем дня 4. Оттуда числа 2-го выедем и остановимся в Генуе дня на два.

Сейчас пишу Вам и не знаю – неужели будет мне это счастье увидеть Пинчио, небо, город. Здесь я едва живу. Мы ездили (на автомобиле) на крайний север Ирландии, где все англичане говорили very nice, – а мы с ума сходили от ветра, холода и безобразности.

Милая Ольга Ивановна, я из Парижа черкну Вам в точности день нашего приезда. Постараемся приехать вечером, чтобы вновь увидеть берега по дороге.

Сегодня же напишу Павлу Павловичу – не знаю, где он будет около 6-ого числа. Думаем в Риме пробыть несколько дней и мечтаем остановиться в Santa Chiara.²

Ветер завывает в камине, но мне все равно. Голова кружится от мыслей.

До свидания, обнимаю Вас и благодарю горячо.

Ходасевич низко кланяется. Ваша Н. Берберова

¹ Датируется по содержанию.

² Название римской гостиницы в центре города.

11

О. Синьорелли – Н. Н. Берберовой

16-го сентября <1924>¹

Рим

Дорогая Нина Николаевна,

очень, очень рада и за Вас и за нас, что скоро увидимся и побродим по Риму и покутим и поговорим о многом.

Горький тоже обещал приехать, когда Вы будете в Риме.

Павел Павлович путешествует по Апулии,² но к концу этого месяца и он надеется быть в Риме.

Посылаю вам письмо из Министерства, где мужу сообщается, что визы вам высланы: оно вам может пригодиться.

Обнимаю Вас сердечно и привет Ходасевичу. Ваша Ольга Ресневич

¹ Датируется по содержанию.

² Поездка Муратов по многочисленным городам Апулии, совершенная в первой половине сентября, лежит в основе его эссе “Поездка в Апулию”, опубликованном в “Современных записках”. 1925. XXIV. С. 174-212.

12

Н. Н. Берберова – О. Синьорелли

4. X.<1924>¹

<Париж>

Дорогая Ольга Ивановна,

в понедельник вечером приезжаем в Рим, во вторник утром думаем быть у Вас. Все в порядке, спасибо Вам. Ночуем в Генуе, сегодня едем. Обнимаю Вас. Ходасевич целует Вашу руку. Н. Берберова

¹ Открытка. Датируется по почтовому штемпелю.

² Эти планы осуществились, по “Камер-фурьерскому журналу” Ходасевича (С. 65) известно, что они приехали утром в понедельник 6 октября в Рим и вечером посетили Синьорелли и вместе поехали в пиццерию.

13

О. Синьорелли – Н. Н. Берберовой

15 октября <1924>, Poggibonsi¹

Дорогая,

сердечный привет и Вам и Ходасевичу и Алексею Максимычу. Здесь дивно: это не Ирландия. Сегодня кончают жатву винограда: вино Poggibonsi – это статья особенная! Завтра едем в Volterra и S. Gimignano, потом и в Сиену. Живу я в этом замке.²

Сердечно Ваша Ольга Ресневич

¹ Городок в Тоскане, между Сиеной и Сан Джиминьяно. Датируется по почтовому штемпелю и по содержанию.

² На открытке вид замка Castello di Badia.

14

Н. Н. Берберова – О. Синьорелли

22. X.<1924>¹

Villa Massa

Дорогая Ольга Ивановна,

так значит Poggibonsi есть, или даже – было (т. к. Вы мое письмо получили уже в Риме). Мало того, здешняя молодежь вернулась из поездки на мотоциклете² и подтвердила существование кипарисов и чудного вина.

Здесь действительно великолепно, неожиданно великолепно, как всегда на юге. Первые дни было так тепло, что я даже загорела.

Атмосфера в доме легкая, свободная, дружественная. Оба чувствуем себя хорошо.

Насчет переводов Алекс<ей> Макс<имович> просил Вам передать, что книга его в целом (где про Блока и прочее)³ – запродана итальянскому издательству и деньги за нее получены – так что он не может вторично согласиться на перевод. Что до других вещей (всех его статей и рассказов, печатающихся где бы то ни было сейчас), то они вполне свободны, к их числу принадлежит и статья о Ленине.⁴

Я сейчас перевожу с французского для “Беседы”.⁵ Написала 2 стиха.⁶ Ходасевич делает вид, что мастер предсказывать погоду, но его пессимизму никто не верит.

На зиму переберемся, очевидно, в Саро.⁷

Не забывайте нас, милая Ольга Ивановна.

Всегда Ваша Н. Берберова

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

² Речь идет о знаменитой мотоциклете, упоминаемой в стихотворении Ходасевича “Соррентинские фотографии”; она принадлежала сыну Горького, Максиму Пешкову; на ней часто он возил гостей Горького.

³ Имеется в виду книга “Заметки из дневника. Воспоминания” (Берлин 1924). Книга в итальянском переводе Eme Cadei вышла в Милане у издателя Морреале в 1925 г. под названием “Noterelle”.

⁴ Ранний вариант воспоминаний Горького о Ленине был впервые опубликован в газете “Известия” (1924. № 84. 11 апреля). Другой вариант вышел в “Русском современном” (10 мая 1924), с большими купюрами. На эту тему см.: *Иокар Л. Н.* К истории публикации первого варианта очерка “В. И. Ленин” // *Неизвестный Горький*. Вып. 4. М.: Наследие, 1995. С. 86-90. О составлении этого очерка и разных его вариантах, см. также: *Н. Берберова*. Железная женщина. Нью-Йорк 1982. С. 200.

⁵ Об истории журнала “Беседа” см.: Письма Горького к В. Ф. Ходасевичу // *Новый Журнал*. 1952. № 29-31; *Ходасевич В. Ф.* Горький // *Некрополь*. Bruxelles 1939; *Бербе-*

рова Н. Три года жизни М. Горького (1922-1925) // Мосты. 1961. № 8; Котрелев Н. Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким. К истории журнала “Беседа” // Europa Orientalis. 1995. № 2. С.183-208.

⁶ Н. Н. Берберова опубликовала в первом выпуске “Беседы” под заглавием “Стихи” 4 стихотворения, одно из которых посвящено Берлину (Беседа. 1923. № 1); она также переводила для журнала с немецкого и с французского: например, перевод с рукописи очерка Р. Роллана “Махатма Ганди” (Беседа. 1923. № 1, 2), изданного впоследствии отдельной книгой в издательстве “Эпоха”; и новый перевод с немецкого знаменитой баллады Г. А. Бюргера “Ленора” (Беседа. 1923. № 3).

⁷ Имеется в виду Capo di Sorrento, небольшой городок рядом с Сорренто.

15

О. Синьорелли – Н. Н. Берберовой

31 октября <1924>,¹ Рим

Дорогая Нина Николаевна,
вот я опять в Риме и Poggibonsi и Флоренция и Сиена – это прош-
лое.

Но и Рим – это Рим – и я очень, очень довольна моим недавним
прошлым....

Жалко, что ваши не знали где я – а то бы заехали к нам, и замок
стоил, чтобы его осмотрели, а вино в замке старое, хорошее.

Пока ничего не могу делать, кроме самой неоткладной работы: пе-
реживаю впечатления, вынесенные за это короткое путешествие. Они
многочисленны, и путешествие, мне кажется, долгим, бесконечным.

Были мы в Volterra, S. Gimignano, Certaldo (родина Воссaccio), Sie-
na, Orvieto, Todi и Perugia. И Павла Павловича за эти дни видала мало.

Очень рада за вас – представляю себе, как теперь хорошо в Сор-
ренто.

Мне к вам просьба: попросите Ал<ексея> М<аксимовича> и приш-
лите мне его статью о Ленине: она напечатана, кажется, в “Русском Со-
временнике”.² Может быть, что пришлете и что-нибудь другое. Книжку
“Р<усского> Совр<еменника>” и Дневник Достоевской я верну дней
через десять. Ал<ексей> М<аксимович> мне говорил про какую-то
пьесу “Вне закона”.³ Как и где ее достать? Меня просили достать что-
нибудь интересное, что можно было бы поставить в театре Pirandello,
который откроется в Риме в январе.⁴ Подумайте и напишите как можно
скорее.

Сердечный привет Ал<ексею> Максимычу.

Сердечно ваша Ольга Ресневич

¹ Датируется по содержанию.

² Подробно об итальянском переводе статьи М. Горького о Ленине см. в письме В. М. Ходасевич от 14 февраля 1924 г.

³ Имеется ввиду пьеса Л. Н. Лунца “Вне закона” (Беседа. 1923. №1). Подробно о дружеском отношении М. Горького к Лунцу и об итальянском переводе его работ см. в письме В. М. Ходасевич от 14 февраля 1924 г.

⁴ Речь идет о Художественном Театре Пиранделло, который открылся в Риме 2 апреля 1925 г. С ним сотрудничала В. М. Ходасевич (см. ее письма).

16

Н. Н. Берберова – О. Синьорелли

4. XII.<1924>¹

Capo di Sorrento. “Il Sorito”

Дорогая Ольга Ивановна,

простите, что не писала Вам. Жизнь здесь течет по-прежнему. Мы переехали на другую дачу, я ездила на мотоциклетке в Равелло и Амальфи, – вот и все события. Но я много писала это время. Во-первых, перевела новую драму Роллана (для “Беседы”) – по-моему не хорошую.² Затем перевела повесть с французского тоже (и тоже для № 7 “Беседы”), затем – писала стихи. Кроме того у Алекс<ея> Макс<имовича> масса хороших книг – пересланных из Берлина. Перечитываю Стендаля, Флобера, римских авторов.

Ходасевич немножко хворает, а то было бы совсем хорошо. Но и вообще – здесь очень, очень чудесно, тихо, ясно и благополучно – иногда хочется и этого.

Милая Ольга Ивановна, не ругайте меня – я сделала все, что могла относительно статьи о Ленине. Вам ее в *полном* (не урезанном) виде должны прислать из Берлина.

Пьеса “Вне закона” – Лунца, моего друга, молодого беллетриста, умершего полгода тому назад.³ Пьеса может Вам подойти. Она напечатана в № 1 “Беседы”. Есть ли у Вас он? Если нет, я пришлю. “Вне закона” переведено на немецкий и чешский языки⁴ и сейчас где-то идет – не то в Праге, не то в другом месте.⁵

В № 7-ом “Беседы” будет рассказ Горького (6 января должно быть) – по-моему удачный: может быть пригодится Вам.⁶ Вообще же я не совсем понимаю, в какой мере его переводы свободны.

Едете ли Вы куда-нибудь на Рождество? Мы тут хотим даже маленькую елку устраивать.⁷

Между прочим, прочла я здесь Папини “Трагическ<ую> ежедневность”.⁸ До чего этот человек умен и остер! Воображаю, какой он интересный собеседник!⁹

Привет Вам от Ходасевича. Целую Вас и жму Вам руку.

Н. Берберова.

Что за человек Вач<еслав> Иванов? Знаете ли Вы его?¹⁰ Мне очень интересно Ваше о нем суждение.

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

² Речь идет о пьесе Р. Роллана “Le Jeu de l’Amour et de la Mort” (“Игра Любви и Смерти”); перевод предназначался для 7-го номера журнала “Беседы”, но напечатан не был. 16 марта 1925 г. Берберова пишет В. Я. Ирещкому об этом переводе и тоже отрицательно отзываясь о пьесе: “Пьеса так плоха, так скучна, так неинтересна театрально” (Письма В. Ф. Ходасевича к В. Я. Ирещкому // НЛЮ. 2008. № 90. С. 152). В переводе Берберовой вышло другое сочинение Роллана: *Роллан Р. Махатма Ганди*. Перевод с рукописи Нины Берберовой. Берлин: Эпоха, 1924.

³ Лев Натанович Лунц (1901-1924) – прозаик, драматург и публицист из литературной группы “Серапионовы братья”. Спустя много лет Н. Н. Берберова опубликует в Нью-Йорке двенадцать писем Лунца. *Берберова Н. Из петербургских воспоминаний. Три дружбы // Опыты*. 1953. № 1. С. 163-180.

⁴ Пьеса “Вне закона” была сразу переведена на немецкий язык (Vogelfrei // Der Querschnitt. 1925. № 1. Переводчик Д. Уманский), на английский язык (Beyond the Law // American Labour Monthly. 1924. February-September. Переводчица Fania Hural), на итальянский язык (Fuori legge / Предисловие М. Горького. Roma: Istituto Editoriale Italiano, 1925. Переводчик Э. Ло Гатто). История перевода пьесы по-итальянски произвела к разрыву между Ло Гатто и Синьорелли, которые в то же самое время взялись за перевод. О переводах других сочинений Лунца см. *Лунц Л. Завещание царя / Сост. и предисловие В. Шрика. München: Verlag Otto Sagner, 1983. P. 201-203*. Чешский перевод нам не известен.

⁵ Пьеса “Вне закона” была поставлена в 1924 г. в Берлине.

⁶ “Рассказ о необыкновенном” Горького напечатан в последнем выпуске “Беседы” (Берлин 1925. № 6/7).

⁷ Ходасевич описал эту елку в письме к М. О. Гершензону (*Ходасевич В. Ф. Собр. соч. Т. 4. С. 482*).

⁸ Речь идет о книге рассказов Джованни Папини “Il tragico quotidiano. Favole e colloqui” (Firenze: Lumachi, 1906), которая вышла в Берлине под заглавием “Трагическая ежедневность” (Перев. Ю. Балтрушайтиса, Р. да-Рома и Б. Я., под ред. А. Л. Волынского. Берлин: Гиз, 1923). Это был один из первых “метафизических” текстов Папини.

⁹ Синьорелли была в дружеских отношениях с Папини. Их переписку см.: *L’epistolario di Giovanni Papini e Olga Signorelli / Introd. e note di R. Vassena. ARI, VI. T. 1. С. 129-300*.

¹⁰ Вяч. Иванов приехал в Рим в сентябре 1924 г. и вскоре написал Горькому, предлагая свои “Римские сонеты” для журнала “Беседа”. Об этом периоде жизни Иванова

см. *Котрелев Н.* Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким. К истории журнала "Беседа" см.: *Platone R. Un tentativo fallito: la rivista "Beseda" // Europa Orientalis.* 1984. P. 171-188. Об отношениях Синьорелли и Вяч. Иванова см. в преамбуле к их переписке ("Тройная переписка") в наст. томе.

17

О. Синьорелли – Н. Н. Берберовой

25 декабря 1924, <Рим>

Дорогая Нина Николаевна,

поздравляю Вас и Ходасевича и Алексея Максимыча с Рождеством и желаю Вам всего наилучшего. Не писала вам, так <как> была очень занята все эти дни.

Мне очень нравится "Вне закона" и говорила об этом Пиранделло, и он просил меня перевести ему это.¹ Через два-три дня кончаю работу: но от кого зависит авторское разрешение?

Жду с нетерпением обещанные мне "Воспоминания о Ленине".² Когда получу их? Когда могу надеяться?

От души всего наилучшего. Ваша Ольга Ресневич Синьорелли

¹ Пиранделло задумал поставить в Художественном театре "Вне закона" Лунца, но впоследствии экономические трудности не позволили ему реализовать этот проект. Из русских пьес Художественный Театр поставил арлекинаду Н. Н. Евреинова "Веселая смерть" (29 апреля 1925) в переводе Раисы Олькеницкой-Нальди, драму Н. Н. Евреинова "Самое главное" (29 мая 1925) в переводе Р. Олькеницкой-Нальди (этот спектакль шел в разных городах Италии в течении двух лет), и драму "Лабиринт" Соломона Полякова (7 апреля 1927). В главных ролях играли любимые актеры Пиранделло – Марта Абба и Ламберто Пикассо. О Художественном Театре и его спектаклях см.: *D'Amico A., Tinterri A. Pirandello sarcosomico. Palermo: Sellerio, 1987.*

² Фрагмент "Воспоминаний о Ленине" был переведен Э. Ло Гатто и опубликован в журнале "Russia" (1925. № 1. P. 50-56). Об истории этого перевода см. подробнее в письмах В. М. Ходасевич.

18

Н. Н. Берберова – О. Синьорелли

28. I.<1925>, 1^а"Il Sorito"

Дорогая Ольга Ивановна,

в пятницу в Рим из Сорренто приедут племянница В<ладислава> Ф<селициановича> – Валентина Михайловна Дидерихс и муж ее Андрей Романович. Вы им достали в Италию визы, и они хотят лично

поблагодарить Вас за это. Поэтому не удивляйтесь, если они нанесут Вам визит, я им дала Ваш адрес.

Мы думаем через месяц трогаться в Париж. Здесь жизнь все та же: ездили кататься, гуляем, работаем. Здесь очень увлечены раскопками, в саду и в S. Agata, на горе. Каждый день в дом приносятся черепки амфор – так что даже Ходасевичу пришлось поверить во многое, чему раньше не верилось. Он стал принимать глицерофосфат и говорит, что это совершенно уничтожает в нем скепсис.

Павел Павлович все не материализуется в наших местах. Материализуется ли он в Риме?

Сын Ал<есксея> Макс<имовича>² завел себе собаку, огромную овчарку, и в округе начались крестьянские бунты, так как все терроризованы.

Вот все наши новости скромной провинциальной жизни. Я уже потихоньку от В<ладислава> Ф<елициановича> начинаю мечтать о трехдневной остановке в Риме, о Пинчио, кот<орое> все-таки остается самым для меня любимым местом на земле. Юг Италии меньше мне говорит, чем север; города – больше сельских пейзажей. Жаль, что мы едем отсюда в февралье³ – слишком рано для Венеции, а то бы я, не считаясь ни с какими денежными трудностями, хоть на 3-4 дня вырвалась бы туда.

Итак, приблизительно через месяц мы увидимся, милая Ольга Ивановна. Ходасевич сердечно кланяется Вам. Я целую Вас и прошу передать привет Вашей семье.

Н. Берберова

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

² Максим Алексеевич Пешков (1897-1934) – сын Горького и Екатерины Пешковой.

³ Ходасевичи уехали из Сорренто только 18 апреля 1925 г. и вечером приехали в Рим, где оставались до 21 апреля, ежедневно встречаясь с Синьорелли и с Муратовым (“Камер-фурьерский журнал”. С. 67).

Милая Ольга Ивановна,

Моя племянница² вернулась сейчас из Рима и сказала, что Вы два раза писали Нине, прося выслать листок из пьесы Лунца. *Ни одного из этих писем Нина не получила.* Иначе листок уже давно был бы у Вас.

Нина только в пятницу узнала об этом из открытки моей племянницы и сейчас уже приготовила Вам конверт с листком, – но отправить не смогла, ибо в пятницу днем расхворалась и с тех пор лежит в постели. У нее грипп, но температура доходит до 38,9.

Брат Лунца не отвечает ни Вам, ни Нине. По-видимому, он переехал или сошел с ума (чего можно было ожидать). Однако, Вы этим не смущайтесь. Родные *Лунца будут только довольны*, если его пьеса пойдет. Кроме того, они очень хорошо относятся к нам, в особенности к Нине. Поэтому – ставьте, пожалуйста, пьесу, а всякую ответственность перед родными Лунца мы с Ниной принимаем на себя. Вот еще мысль: напишите отцу Лунца мы с Ниной принимаем на себя. Вот еще мысль: напишите отцу Лунца, Hamburg, Isestrasse, 81, Herr Nathan Lunz,³ опять-таки укажите, что мы с Вами друзья.

Если Вам понадобятся сведения о Лунце, то укажите, какие именно, – мы пришлем.

Мне кажется, что намеков на фашизм усмотреть в пьесе нельзя будет: там все слишком похоже на коммунизм. Кроме того, можно указать в программе, что пьеса писана в 1922 году, в России.⁴

Пожалуйста, не сердитесь за то, что мы не добыли для Вас полный текст статьи Ал<ескся> Макс<имовича> о Ленине.⁵ Это оказалось невозможным: у Марии Игнатьевны⁶ какие-то напряженные и таинственные сношения с Lo Gatto.

Вообще, все, что касается Горького, должно проходить такую сеть домашнего шпионажа, интриг и никому не понятных фокусов, что руки опускаются.

Пожалуйста, пишите нам *заказные* письма. Простые и к нам плохо доходят: у них нет сил победить чье-то дружеское внимание. Увы!

Целую Вашу руку. Нина Вас обнимает и шлет привет. Сердечный привет также профессору и девочкам.

Сердечно ваш Владислав Ходасевич

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

² В. М. Ходасевич.

³ Семья Лунца переехала в Берлин: отец, Натан Яковлевич Лунц (1871-1933), торговец оптическими приборами в Петербурге, мать – Анна Ефимовна Рабинович, концертная пианистка, брат Яков Натанович.

⁴ По-видимому, Синьорелли передавала Ходасевичу через Валентину Ходасевич опасения, что содержание пьесы неприемлемо для политической обстановки в Италии вообще и для Пиранделло в частности.

⁵ См. примеч. 2 к письму от 24 декабря 1924 г. О неприятном положении, в котором оказался В. М. Ходасевич с О. Синьорелли по поводу перевода очерка Горького см. ее письмо от 14 февраля 1925 (примеч. 1).

⁶ М. И. Будберг.

20

Н. Н. Берберова – О. Синьорелли

<начало мая 1925>¹

Paris (VII) 8, rue Amélie, Pretty Hotel

Дорогая Ольга Ивановна,

простите, что молчала так долго. После наших встреч в Риме мне надо было написать тотчас же. Но сумбур первых дней отвлек меня от Италии и всего италийского – когда наступила, наконец, “парижская жизнь” я опять мыслью вернулась к промелькнувшему Риму. О римской русской жизни знаю только из письма П<авла> П<авловича> – отчаянного, после того вечера, когда освистали его рассказ.²

Здесь нам живется по-здешнему не плохо. У нас комната (одна!) в небольшом отеле. Обедаем близко от дома. “Chez soi” спокойно и благополучно. Стоят два небольших письменных стола – довольно идиллично. В<ладислав> Ф<елицианович> много пишет для газет – это его основной заработок.³ Я думаю устроиться работать в кинематографе. Всякая служба своей регулярностью меня угнетает и не дает мне писать. А это, кажется, будет лучше и выгоднее. Кругом люди нуждаются очень.

Ближайшие наши друзья – Сураварди⁴ и один наш с ним общий друг – Бахрах.⁵ Вместе иногда коротаем вечера – в кафе или у нас за бриджем. Еще выдаю Осоргина и Зайцева.⁶ Но один – неврастеничен, а другой – церковно-религиозен и оба не слишком мне по душе.

В общем жизнью я довольна и думаю, что прочно сейчас засели мы в Париже. Очень приятно чувствовать, что можешь никуда не двигаться. От этого какая-то “оседлость” в жизни. Мы с В<ладиславом> Ф<елициановичем> вообще ведь живем до смешного без “быта”, от этого всегда веет от нас “цыганством”.

Париж чудесен, несмотря на дождь и холод. Он может примирять и с городом современным, и с индустрией, и всем внешним в нашей жизни, которое здесь не мешает нутру, – духу, – и не идет наперекор ему.

Самое неприятное из всей жизни в Италии – для меня Вяч<еслав> Иванов. Не могу скрыть от Вас, как он мне не понравился!⁷ Стараюсь забыть его.

В<ладислав> Ф<елицианович> кланяется Вам сердечно. А я прошу Вас передать привет профессору Синьорелли и девочкам.

Целую Вас от всей души.

Ваша Н. Берберова

¹ Датируется по почтовому штемпелю получения: Roma 13.V.1925.

² Чтение рассказа П. П. Муратова произошло в рамках инициативы Художественного театра – так называемых “Четвергов”, во время которых Пиранделло, как писали газеты, собирался “представлять вниманию публики разные любопытные спектакли, в которых были бы объединены три составляющие: театральное действие, музыкальный отрывок и чтение поэзии или прозы” (Il Giornale d’Italia. 31 gennaio 1925). Таких “Четвергов” в театре Odescalchi прошло всего три: 16 апреля, 29 апреля и 14 мая 1925 года. Вечер второго “Четверга” был полностью русским: постановка балета “История солдата” на музыку Стравинского, чтение “Последнего рассказа” Павла Муратова и арлекиада “Веселая смерть” Евреинова в постановке Орио Вергани под музыкальный аккомпанемент Альберто Савинио. Критика сосредоточила внимание на работах Стравинского и Евреинова, в рецензиях о Муратове ничего не написано (*д’Амелия А.* Русские вечера в художественном театре Луджи Пиранделло // *Donum homini universalis*. Сборник статей в честь 70-летия Н. В. Котрелева. Москва: ОГИ, 2011. С. 90-100).

³ Библиографию статьей Ходасевича в эмигрантских газетах см. *L’émigration russe. Revues et recueils, 1920-1980. Ouvrage édité sous la direction de Tatiana Gladkova, Tatiana Ossorguine. Paris: Institut d’Etudes Slaves, 1988. P. 523-525.*

⁴ Хасан Шахид Сухраварди (Сураварди, Shahid Suhrawardy, 1890-1965) – пакистанский поэт, историк, дипломат. Подробнейшую информацию о нем см. в “Камер-фурьерском журнале” и в очерке “Белый коридор” Ходасевича. Он жил также некоторое время в Риме, дружил с Муратовым, Оттокарсом (см. упоминание в его письме во втором томе наст. издания). В своей книге “Люди и ложи” сама Берберова его так характеризует: “Индус, род. в Калькутте. Учился в Оксфорде, приехал в Москву. Служил в театре Станиславского. Близкий друг Мар. Ник. Германовой и ее семьи. После революции – на Кавказе, потом в Париже.<...> Во время войны вернулся в Индию и позже был индийским посланником в Испании” (*Берберова Н.* Люди и ложи. Русские мasons XX столетия. New York: Russica Publishers, 1986. С. 157). В архиве Синьорелли хранится одно письмо от него из Праги за 1924 г. (FSFC).

⁵ Александр Васильевич Бахрах (1902-1985) – литературный критик, журналист; друг Ходасевича в годы эмиграции.

⁶ См. их письма в наст. издании.

⁷ В отличие от Берберовой, Ходасевич отнесся к Иванову тепло и дружески, писал ему как единомышленнику и восхищался его “Римскими сонетами” (см. шесть его писем к Иванову 1924-1925 гг.: РАИ, оп. 5, карт. 11, п. 5), тогда как Иванов, судя по этим же письмам, высоко оценил “Тяжелую лиру” (см. Новый журнал. 1967. № 62). Ходасевич встречался с Ивановым в Риме дважды, у Муратова и у Синьорелли (Камер-фурьевский журнал. С. 67). Два письма Ходасевича были опубликованы: Из переписки В. Ф. Ходасевича (1925-1938) // *Минувшее*. 1987. Вып. 3. С. 264-266; *Шишкин А.* “Россия раскололась пополам”: Неизвестное письмо Вл. Ходасевича // *Russica Romana*. Pisa-Roma 2002. Т. IX. P. 107-114.

Н. Н. Берберова – О. Синьорелли

29.VI.<1925>¹

Paris (VII) 8, rue Amélie

Дорогая Ольга Ивановна,

это письмо принесет Вам наш большой друг, а также друг Сураварди – Владимир Афанасьевич Подгорный – один из приятнейших людей на свете, артист Моск<овского> Худ<ожественного> Театра.² Он впервые в Италии и не так давно выехал из России. Он передаст Вам мои и Влад<ислава> Фел<ициановича> поклоны и расскажет о нашей жизни.

Вы не пишете и мне очень грустно. Неужели Вы забыли нас, милая Ольга Ивановна? А мы помним Вас и любим по-прежнему и вспоминаем часы, проведенные у Вас. Я надеюсь, что все Ваши здоровы. Передайте, пожалуйста, всем привет.

Мы много работаем и кружимся целыми днями. Иногда охватывает тоска – но большей частью чувствую себя веселой и по-прежнему довольна своей судьбой. Пишу даже стихи, но из-за денег пришлось устраиваться в кинематографе (играть)³ – это как-то все же больше мне по душе, чем какая-нибудь служба.

Ходасевич занят газетной работой и начинает писать прозу – повесть.⁴

Из Италии за последнее время ни он, ни я не получали писем: “Са-ро ди Sorrento”⁵ молчит, Вы молчите, а Пав<лу> Павл<овичу> я сама не ответила: как-то вдруг рассердилась на его вялые и печальные письма.

Я все-таки думаю, что когда-нибудь получу от Вас хоть строчку, – дорогая Ольга Ивановна! Неужели Вы не приедете в Париж? Помните, пожалуйста, что еще живы на свете Ходасевичи, которые хотят Вас видеть или хотя бы читать Ваши письма,

Обнимаю Вас сердечно и целую. Ход<асевич> кланяется низко Вам и Вашей семье.

Всегда Ваша Нина Берберова

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

² Владимир Афанасьевич Подгорный (1887-1944) – драматический актер, играл в главных театрах-кабаре: “Бродячая собака”, “Привал комедиантов”, “Кривое зеркало”, “Летучая мышь”, в Камерном театре Таирова; один из секретарей Правления 1-ой Студии МХАТ, актер МХАТ-2 (1919-1936), брат актера МХАТ’а Н. А. Подгорного.

³ В книге “Курсив мой” Берберова пишет, что “три раза снималась статисткой на киносъемках” (*Берберова Н. Курсив мой. München: Wilhelm Fink Verlag. 1972. С. 256*).

⁴ По всей вероятности речь идет о неоконченной повести о “людях русского символизма”, опубликованной впоследствии в газете “Возрождение” (1931, 14 апреля). См. Ходасевич В.Ф. Собр. соч. Т. 3. С. 525.

⁵ Имеются в виду постояльцы виллы “Il Sorito”, а именно Горький и его семейство.

22

В. Ф. Ходасевич – О. Синьорелли

19 июля 1925

8, rue Amélie, Pretty Hôtel, Paris (7^c)

Милая Ольга Ивановна,

страшно совестно, но решаюсь просить Вас – конечно, о визе. К сожалению, не для себя, мне сейчас в Италию не выбраться. Но здесь есть одна актриса, которой очень хотелось бы на месяц съездить в Италию. Если для Вас это не слишком затруднительно, то, во имя нашей дружбы, помогите ей в этом. За то, что она отнюдь не имеет никакого отношения к политике, я ручаюсь.

Вот необходимые данные:

- 1) Лариса Андреевна Гатова.¹
- 2) Актриса.
- 3) Родилась в 1894, в Харькове.
- 4) Желает пробыть в Италии один месяц.

Пожалуйста, черкните мне, можете ли Вы устроить эту визу. Не сердитесь, что затрудняю Вас: хочется оказать услугу, а без Вас не могу этого сделать.

О себе писать не умею, да и нет ничего занимательного. Довольно много работаю – вот и все. Мы Вас очень часто и любовно вспоминаем, одни и с Сураварди. Кстати, эта Гатова – скорее знакомая Сураварди, чем наша.

Целую Ваши руки. Привет Вашему мужу и девочкам. Скажите Марии, чтобы она больше ела.²

Всегда Ваш Владислав Ходасевич

<приписка Н. Берберовой>

Милая Ольга Ивановна,

что же Вы нас совсем позабыли? Получили ли Вы мое письмо через Подгорного? Был ли он у Вас? Крепко Вас целую. Ваша Н. Берберова

¹ Лариса Андреевна Гатова (1894-1970-е) – артистка, литератор, сестра советского поэта, переводчика и литературоведа А. Б. Гатова. В 1912-1914 гг. в составе студий теа-

тра и кино гастролировала в Италии и Франции. В России снималась в кино, играла в театре В. Ф. Коммиссаржевской, Московском художественном театре и др. В 1922 эмигрировала в Париж. С конца 1920-х выступала в концертах, читала с эстрады произведения русских писателей. Более подробно о ней см: Российское зарубежье во Франции 1919-2000. М. 2008. Т. 1. С. 347.

² Речь идет о старшей дочери Синьорелли Марии (Maria Signorelli Volpicelli, 1908-1992) – в будущем известной художнице и театральном деятеле.

23

О. Синьорелли – Н. Н. Берберовой

Капри, 30 VII <19>25

Дорогая, простите, что не пишу, но Вы знаете, что это не значит, что я Вас забыла. Завтра возвращаюсь в Рим и буду хлопотать о визе Гатовой. 5-го авг<уста> я с детьми уезжаем в Ригу к моим родным¹ и вернемся в конце сентября. Подгорный не успел зайти ко мне и прислал мне Ваше письмо. Сердечно Ваша О.Р.

¹ Речь идет о поездке Синьорелли к родителям в их дом под Йелгава, в местечко Эмбурга. О детстве в этом родовом имении см. в воспоминаниях Синьорелли (*Signorelli O. Memorie inedite. ARI, VI. T. 2. С. 145-157*).

24

Н. Н. Берберова – О. Синьорелли

<середина апреля 1926>¹

14, rue Lamblardie, Paris (XII)

Дорогая Ольга Ивановна, пишу на конверте Ваш фантастический адрес² и не верю, что мое это письмо сделает такой длинный путь и найдет Вас у самых берегов Малой Азии, на такой древней и далекой земле. Все это время, что я не писала Вам, я часто думала о Вас и вспоминала самые свои лучшие дни в Италии, проведенные вблизи Вас.

То малое, что я о Вас знаю, принесла мне Р<аиса> С<амойловна> Кроль.³ Среди ее милой болтовни о римских друзьях, я немного уловила о Вас и Вашей жизни. Но это слишком мало, чтобы представить Вас сейчас в Вашей душевной и духовной жизни. О внешней – хочу Вам задать вопросы: на долго ли Вы приехали на Родос? Давно ли? К<ог>да возвращаетесь? Все это мне хочется знать.

Мы с Ходасевичем живем по-прежнему друг с другом и друг для друга. Эта жизнь моя не изменилась. Рады бы мы вообще “уйти от мира” по возможности, да держат узы, без которых не прожить. О нашей

жизни внешней скажу Вам два слова: зимой мы жили за городом, месяц тому назад переехали в Париж, взяли тут квартиру, кое-чем ее об-
меблировали, и вот “осели”, впервые за 4 года, и, видимо, надолго. Как
бы мы хотели оба, милая Ольга Ивановна, чтобы Вы к нам заглянули!
Ну что Вам стоит приехать в Париж? Здесь так чудесно в мае!

За последнее время жизнь стала настолько тяжела, что я немножко
порастеряла свой духовный багаж, но надеюсь скоро приняться за на-
стоящее писание. Этой зимой я сделала два прозаических опыта, ко-
т<орые> Вам и посылаю.⁴ Папини сейчас и тогда, когда я писала эти
рассказы, стоит и стоял в центре моих литературных (и более онтолог-
ических) привязанностей. Не осудите меня за посылаемое: это, дейст-
вительно, первое, что мною написано в прозе.

От всей души шлю Вам привет и поцелуй, дорогая. Вл<адислав>
Фел<ицианович> целует Вашу руку.

Сердечно и всегда Ваша Нина Берберова

¹ Датируется по почтовому штемпелю получения: “Roma 22.4.1926”.

² Письмо отправлено на остров Родос. В мае 1926 г. Синьорелли отдыхала на остро-
вах Родос, Лерос и Патмос у тогдашнего губернатора Додеканеса (архипелага в юго-
восточной части Эгейского моря, тогда принадлежащего Италии) Марио Лаго (Mario
Lago, 1878-1950) – дипломата и близкого друга Синьорелли, помогавшего ей в трудный
период семейной жизни, когда она начала отдаляться от Анджело Синьорелли.

³ Раиса Самуиловна Гуревич (1894-1979) – актриса, балерина (псевд. Раиса Лорж), в
первом замужестве жена режиссера Г. А. Кроля (1893-1932). С Кролями Берберова и
Ходасевич познакомились в Риме в октябре 1924 г. О ней подробнее см. в письмах
Г. А. Кроля и Р. С. Гуревич к Синьорелли в наст. томе.

⁴ Речь идет о первых публикациях Берберовой-прозаика, рассказов: “В ночь бег-
ства” (Дни. 8 ноября 1925. № 848. С. 3) и “Действующие лица” (Дни. 7 февраля 1926. №
924. С. 4). Газетные вырески текстов этих рассказов (без выходных данных) сохра-
нились в FSFC.

Дорогая Нина Николаевна,

Ваше письмо меня очень и очень обрадовало. Пишу Вам из Пат-
моса, где встречаю Пасху в монастыре.

Очень Вам благодарна за рассказы, которые мне очень понрави-
лись, главным образом первый.

Напишу о Вас Папини. Не стану писать о моей духовной и душев-
ной жизни: было бы трудно передать ее в нескольких словах.

Очень, очень хотелось бы повидаться: просто побродить и посидеть и выпить вместе.

Работаю и читаю много. Вообще в данный момент я в очень бодром и сказала бы счастливом настроении духа.

Внешняя жизнь моя очень разнообразна. Я живу у губернатора – эгейских островов:¹ это самый старый из моих друзей в Италии и сердечный человек. В доме я пользуюсь совершеннейшей свободой, а мое положение гости губернатора дает мне все возможности осмотреть и Родос и остальные острова. Неделю тому назад мы объездили на броненосце: Leros, Coos, Calimnos и <нрзб.> и вчера я приехала на том же броненосце на Патмос. Имею в моем распоряжении броненосца!

На Родос я приехала месяц тому назад и останусь по крайней мере до конца июня. Дальше ничего не знаю. Родос все такой же, как его описывает Пиндар!² Вчера была в Пещере Св. Иоанна и провела ночь в монастыре.

Пишу Вам, чтобы отослать кораблем, который отходит сегодня: перед моим окном белая стена, громадные красные цветы и дальше море: голубое, голубое.

Кругом тишина, которой нигде не испытала.

Обнимаю вас обоих – пишите мне.

Ваша Ольга Синьорелли

¹ См. примеч. 2 предыдущего письма.

² Имеется в виду третья олимпийская песнь Пиндара “Диагору с Родоса на победу в кулачном бою”, построенная на трех мифах, последний из которых миф о происхождении острова Родос: он возник из пучины морской и был отдан во владение Гелиосу (богу солнца), которой там сошелся с нимфой Родою (дочерью Посейдона) и произвел особый род людей.

26

О. Синьорелли – Н. Н. Берберовой и В. Ф. Ходасевичу

Hotel d'Isly, 5.V.<19>30

29, rue Jacob - Paris VI

Дорогие,

я тут в Париже на несколько дней, и очень бы хотелось с вами повидаться. Посылаю вам приглашение на открытие выставки Марии¹ и буду очень рада, если придете, и тогда, может быть, можно будет условиться, чтобы повидаться. Сердечно Ваша Ольга Синьорелли

¹ Речь идет о выставке марионеток и рисунков дочери Марии в парижской галерее Zak, устроенной благодаря посредничеству де Кирико с 9 по 22 мая 1930 г. О работах и

выставках М. Синьорелли см. также в письмах Н. А. Бенуа и в “Тройной переписке” в наст. томе.

27

О. Синьорелли – Н. Н. Берберовой

23 мая 1930¹

<Париж>

Дорогая, простите, что еще не поблагодарила Вас за Вашу прекрасную статью о выставке, но эта самая статья и есть причина моего молчания!² После ее появления к нам нахлынуло столько народу, что Madame Зак решила продлить выставку еще на неделю, т. е. до 31 мая.

Я была очень занята и перестановкой вещей в другую комнату и разными другими хлопотами, и, простите, дорогая, мое молчание, как король простил мне опоздание на обед.

Хотела Вам писать после того, когда могла бы сообщить мой отъезд, но сегодня не успела захватить и справиться о поездках.

Думаю, что поеду или в воскресенье вечером, или в понедельник утром. Напишу Вам об этом завтра и, во всяком случае, буду в галерее Zak'a от 5-6.

Обнимаю Вас сердечно и благодарю и от имени Марии, которая была чрезвычайно тронута Вашей статьей.

Привет сердечный Вам и Ходасевичу.

Ваша Ольга Синьорелли

¹ На бланке гостиницы Hotel d'Isly.

² В APES сохранилась газетная вырезка (без выходных данных) рецензии на выставку под названием “Выставка кукол”, за подписью Н. Б.

28

О. Синьорелли – Н. Н. Берберовой

5. IX.1930¹

<Капри>

Дорогая Нина Николаевна,

сердечный привет Вам и Ходасевичу от этих мест, которые я люблю и Вы любите. Пишу Вам накануне отъезда в Рим (Via XX Settembre 68) с той глубокою тоскою отъездов, которая и Вам известна. Рим меня больше не привлекает: он-то хорош, но без людей, с которыми

можно бы было духовно общаться, он не заполняет душу. Передо мною огненный парус, горящий от последних лучей заката.

Очень хочется уехать куда-то далеко.

Сердечно Ваша Ольга Синьорелли

¹ Открытка с видом Капри.

29

В. Ф. Ходасевич – О. Синьорелли

22 июня 1932

10 bis, rue des 4 Cheminées, Boulogne s/Seine

Дорогая Ольга Ивановна,

позвольте по старой дружбе беспокоить Вас просьбой. Мой друг Владимир Васильевич Вейдле,¹ которого Вы у нас видели, и с которым мы вместе были на выставке Вашей дочери, собирается поехать недели на две во Флоренцию – гостить к проф. Оттокар.² Визу добудет он себе сам и в этом отношении затруднять Вас не будет. Но при хлопотах о визе нужно указать двух лиц, живущих в Италии и лично знающих просителя. В качестве одного из таких лиц он назовет Оттокара, а в качестве другого просит разрешения назвать Вас. *Пожалуйста, ответьте, позволяете ли Вы ему сослаться на Вас.* Вы этим чрезвычайно обяжете и его и меня.

Как Вы поживаете? Черкните несколько слов о себе и о барышнях. Надеюсь, что Вы благополучны. Нина Николаевна шлет Вам самые сердечные поцелуи, а я кланяюсь низко.

Сердечно Ваш Владислав Ходасевич

¹ Владимир Васильевич Вейдле (1895-1979) – критик, поэт, историк искусства, публицист; эмигрировал в 1924 г. С Ходасевичем был знаком с 1922 г.; в эмиграции их отношения с Ходасевичем были очень теплыми. Автор первого монографического исследования о поэте (Поэзия Ходасевича, Париж 1928; писал о нем и в своем сборнике “О поэтах и поэзии”, Париж 1973). Вейдле посетил Италию в юности (см. об этом в его очерке “Обетованная земля” // Зимнее солнце. Париж 1976. С. 193-196).

² Николай Петрович Оттокар (1884-1957) – историк итальянского Средневековья. См. его письма к Синьорелли во втором томе наст. издания.

30

Н. Н. Берберова – О. Синьорелли

<осень/зима 1932>¹

52, B.d Latour Mauboury Paris 7

Дорогая Ольга Ивановна, сегодня послала Вам мой новый роман “Повелительница”, который здесь в прессе и у читателей имеет успех,² – может быть понравится и Вам. Сколько времени мы не видались, просто дико думать! Не знаю, дошли ли до Вас события, которые произошли в моей жизни: весной этого года я разошлась с Ходасевичем и теперь живу одна, самостоятельно, трудолюбиво и одиноко.

Как бы мне хотелось увидеться с Вами! Благополучны ли Вы и все Ваши?

Если найдете минуту мне написать, дорогой друг, не черкните ли, может ли быть надежда на перевод моего романа на итальянский? Книга выйдет в 1933 г. на английском и чешском языках.³ А уж как я была бы счастлива!

Живется мне трудно, как всем здесь, но настроение очень бодрое, рабочее и спокойное.

Обнимаю Вас. Н. Берберова

Н. Н. Берберова. 1932 г.

¹ Датируется по содержанию. Печатается по копии, в архиве подлинник не сохранился.

² Роман Н. Берберовой сначала был напечатан в “Современных записках” (1932, № 49-50), а потом вышел отдельным изданием (Берлин: Изд. Парабола, 1932.).

³ По нашим сведениям переводы на указанные языки не осуществились.

31

О. Синьорелли – Н. Н. Берберовой

27 февраля <19>33

Рим, Via XX Settembre 68

Дорогая,

простите, что так долго не отвечала Вам за <так!> милое письмо, и не поблагодарила за *роман*, которого еще не успела прочесть, но, бегло просматривая, он мне кажется в высшей степени интересным.

Я была нездорова довольно долго и только теперь поправляюсь. В конце этой недели поеду на ривьеру, чтобы поправиться и чтобы работать. До конца мая мой адрес будет: S. Remo, Hôtel Miramare.

От S. Remo до Парижа не очень уж далеко, и, кто знает, может быть и увидимся.

От души желаю Вам всего светлого в Вашей новой, самостоятельной и трудолюбивой жизни.

Может быть, мне удастся написать о Вашем романе.¹ О переводе думать теперь очень трудно. Гораздо легче перевести и пристроить советские романы, чем те, которые выходят за границей.

Вспоминаю Вас с нежной дружбой: живут в душе воспоминания римских дней.

Обнимаю Вас сердечно и нежно.

Ваша Ольга Ресневич Синьорелли

¹ Рецензии Синьорелли на роман Берберовой в печати не появилось (см. библиографию ее работ в наст. издании).

ПЕРЕПИСКА Н. А. БЕРДЯЕВА
С ОЛЬГОЙ СИНЬОРЕЛЛИ (1923-1937)

Публикация Андрея Шишкина

Переписка Н. А. Бердяева с Ольгой Синьорелли относится к начальному периоду эмиграции философа. В 1923 году Бердяев был приглашен принять участие в цикле чтений о русской культуре, организованном в Риме Итальянским Комитетом помощи русским интеллектуалам и Институтом Восточной Европы, секретарем которого являлся Этторе Ло Гатто.¹ Тему своей лекции он обозначил как “Русская религиозная идея”, и ее достаточно подробное изложение на итальянском языке увидело свет в том же 1923 году в журнале “Russia”.²

Знакомство с Ольгой Синьорелли связано с ее участием в этом мероприятии. Осенью 1923 года супруги Синьорелли были в Берлине и там встретились с Бердяевым и с другими представителями “русского Берлина”, чтобы обсудить конкретные детали, связанные с приездом в Италию участников чтений. Заочно они уже были знакомы: в 1919 году Синьорелли перевела для журнала “La voce dei popoli” статью Бердяева “Душа России”.³

¹ Цикл чтений состоялся с 3 ноября по 15 декабря 1923 года в Институте Восточной Европы. П. П. Муратов сообщал Борису и Вере Зайцевым 15 сентября 1923 г.: “Рад написать приятную новость, которую Вы, вероятно, можете знать от Lo Gatto. Лекции состоятся твердо и каждому ассигновано 400 лир. <...> Бердяев также безусловно поедет (Письма П. П. Муратова В. А. Зайцевой и Б. К. Зайцеву. Публ. Н. П. Коломовой // Россия и Италия. Вып. 5. М. 2003. С. 288-289). См. об этом и в публикациях писем П. Муратова, Б. Вышеславцева, Б. Зайцева, М. Осоргина в наст. издании.

² L'idea religiosa russa. Conferenze di russi sulla Russia a Roma // Russia. 1923. № 3-4. P. 516-520.

³ Статья, написанная в 1915 г., вошла в сборник статей Бердяева 1914-1917 гг.: “Судьба России” (1918). Ит. перевод: “L'anima della Russia” // La voce dei popoli. Rivista mensile delle nazionalità. Gennaio-febbraio 1919. № 10-11. P. 37-61. Именно этому переводу Бердяев обязан своей известностью в Италии, как пишет Э. Ло Гатто в своих воспоминаниях: “Il più forte pensatore russo contemporaneo, che gli italiani già conoscono per

В эти ноябрьские дни 1923 года, проведенные в Италии, Бердяев с женой Лидией Юдифовной встречались с Ольгой Синьорелли и посещали ее дом. Как явствует из публикуемой переписки, в сопровождении Ольги Синьорелли Бердяевы нанесли визит герцогу Джованни Колонна ди Чезарò, в то время министру в итальянском правительстве (а позднее – видному противнику Муссолини) и его русской жене Нине Антонелли.⁴ Виделся Бердяев также с известным католическим священником византийского обряда о. Владимиром Абрикосовым.

История дальнейшего общения Бердяева с Синьорелли связана с меняющимся отношением философа к послевоенной Италии. Здесь необходимо краткое отступление. Путешествие по Италии в 1911 году было очень существенным стимулом для представлений и идей Бердяева о творчестве, европейской истории и христианской культуре.⁵ Италии в философской и геополитической картине русского мира у Бердяева принадлежало исключительно значимое и конструктивное место. Наиболее подробно свои мысли по этому поводу Бердяев изложил в эссе 1915 года “Чувство Италии”,⁶ написанном в связи с присоединением итальянского королевства к англо-французско-русской военной коалиции. Это эссе построено на оригинальных историсофских концепциях, насыщено глубокими личными наблюдениями и историко-философскими парадоксами. После революции Бердяев участвовал в деятельности институций, которые ставили целью наладить культурный диалог между Россией и Италией – с марта 1918 года Бердяев вместе с А. Веселовским, Вяч. Ивановым, П. Сакулиным, Ю. Готье и др., а также представителями посольств Франции и Италии, стал членом “Союза духовного общения между интеллигенцией России, Франции и Италии”, а с апреля – “Общества Института итальянской культуры Lo Studio Italiano”.⁷

il suo mirabile saggio sull'anima della Russia” (“Самый сильный современный русский мыслитель, которого итальянцы уже знают по его замечательному сочинению о Душе России”. *Lo Gatto E. I miei incontri con la Russia*. Milano: Mursia, 1976. P. 507).

⁴ См. примеч. 2 к письму № 4 в наст. публикации.

⁵ *Вадимов А.* Жизнь Бердяева. Россия. Berkeley 1993. С. 138-142.

⁶ Биржевые ведомости (утр. вып.). 2 июля 1915. № 14939. С. 2. Образ Вечного Города играет важную роль в полемической книге Бердяева “Философия неравенства” (1918) – *Бердяев Н. А.* Собр. соч. Париж 1990. Т. 4. С. 385-386 (Письмо пятое. О консерватизме).

⁷ Литературная жизнь России 1920-х годов. Т. 1. Ч. 1. М. 2005. С. 132-133, 169-170; *Котрелев Н.* Манифест московского Lo Studio Italiano, составленный Юргисом Балтрушайтисом // *Jurgis Baltrušaitis: poetas, vertėjas, diplomatas*. Vilnius 1999. С. 88-89 (кроме Бердяева и Балтрушайтиса, манифест подписали К. Бальмонт, Б. Зайцев, В. Зубов, Вяч. Иванов и др.).

Когда в ноябре 1923 года Бердяев из Рима вернулся в Берлин, он сразу обратился к Ольге Синьорелли с благодарственным письмом, сообщая о своей мечте перебраться в Италию. Через некоторое время, как можно судить, на это чувство наслоились другие впечатления. Их отражение мы находим в подробном рассказе о римских впечатлениях в письме от 29 декабря 1923 года жены философа Лидии Бердяевой к Е. Герцк: “Начну с Италии... Увы! наряд этот так не идет ей... Мы приехали в разгар фашистских празднеств и были оглушены шумом, суетой... Если ты бывала на карнавалах, то нечто подобное, но в военном стиле происходило на тихих улицах Флоренции, на строгих площадях Рима... Тот Рим, кот<орый> мы так любим, на время как бы отошел в сторону, брезгливо сторонясь чуждого ему духа...”⁸

Л. Ю. Бердяева точно выделила главную особенность итальянского фашизма – его популистскую театральность, “дурную карнавальность”, которые, по ее словам, вступали в противоречие со строгим образом древних итальянских городов. Аналогичные высказывания Н. Бердяева нам неизвестны. Однако в контексте вышеприведенной цитаты достаточно красноречиво последующее решение Бердяева не приезжать в Италию. Об этом сообщает дневник Лидии Юдифовны 1935 г.: “...*Ни* приглашен читать доклад в Италию, но он отказался”.⁹ Отношение мыслителя к режиму Муссолини достаточно характеризует краткая заключительная фраза в автобиографической книге “Самопознание” (конец 1930-х гг.), сопоставляющая страну в 1911 и 1923 годах: “Вернувшись я уже в совсем другую, фашистскую Италию”.¹⁰

По всей видимости, после встречи 1923 года в Риме Синьорелли потеряла Бердяева из вида. Об этом свидетельствует тот факт, что она не знала его адреса и, более того, не помнила его отчество. Необходимые сведения она запросила у О. А. Шор. 6 февраля 1933 года, та писала ей: “Адреса Бердяева еще не нашла; не знаю куда запропастился; Вяч. Ив. его тоже потерял. Но дня через 3-4 я Вам его смогу узнать и пришлю в С. Ремо. Зовут его Николай Александрович. В сущности, того обрывка адреса, кот<орый> я помню, достаточно для письма, но т. к.

⁸ См.: “Не верю в пространство, не верю во время, разделяющее нас”. Письма Л. Ю. Бердяевой к Е. К. Герцк / Публ., вступит. заметка и примеч. Т. Н. Жуковской // Новый мир. 1998. № 7; цит. по http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1998/7/berd.html.

⁹ Бердяева Л. Профессия: жена философа. Дневники. М.: Мол. гвардия, 2002. С. 101 (Тетрадь первая, запись от 26 марта 1935 г.).

¹⁰ Бердяев Н. А. Собр. соч. Париж 1989. Т. 1. С. 246.

Вам адрес нужен для специальных целей, то уж лучше раздобыть полный”.¹¹

“Специальные цели”, ради которых было написано первое письмо Синьорелли к Бердяеву от 5 марта 1933 года были достаточно необычными. В апреле 1933 года Синьорелли побывала на неофициальной аудиенции у Бенито Муссолини. В разговоре с Синьорелли действующий премьер-министр и одновременно лидер национальной фашистской партии заговорил о двух книгах русского мыслителя (одну из них – “Новое средневековье”, 1927, он якобы прочитал по-французски, однако цитировал название неточно) и высказал интерес к его личности и трудам. От собственного имени Синьорелли просила Бердяева послать какое-нибудь свое сочинение в официальную резиденцию правительства в Рим, просто указав, что книги предназначены для “его превосходительства Б. Муссолини”. “Если бы Вы прислали ему что-нибудь Ваше, было бы очень любезно”, – настаивала Синьорелли. Ее письмо завершалось восторженной (быть может, излишне восторженной, скажем мы сейчас) нотой: “В прессе о русских книгах у нас не говорится, но книги выходят и читаются даже Главою Правительства!”.¹²

Интерес к русской мысли у Муссолини в 1933 году возник не случайно. Как можно полагать, вождь собирался каким-то образом использовать в своей политике представителей культурной эмиграции из бывшей Российской империи. Наиболее известный и яркий пример здесь – отношения Муссолини с Мережковскими (первая аудиенция Мережковскому имела место 4 декабря 1934 года). Заметим как бы в скобках, что наиболее успешно в пропагандистских целях как римский, так и берлинский вожди использовали крупнейшего грузинско-русско-немецкого мыслителя и писателя Григола Робакидзе, автора книг о Сталине, Гитлере и Муссолини 1935-1938 годов на немецком языке.

Вероятно, в случае с Бердяевым вождь просчитался: ответа философа на письмо от 5 марта 1933 года не обнаружено и никаких данных о контактах Бердяева с Муссолини не выявлено. Представляется, что Бердяев совершенно не допускал возможности оказать “любезность”, которая могла бы стать первым шагом для начала диалога с римским вождем.

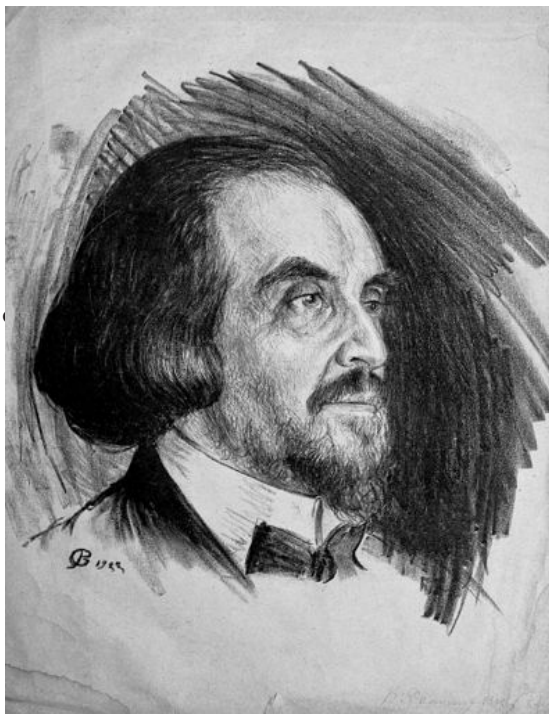
Стремление Синьорелли способствовать распространению книг Бердяева в Италии не ограничивалось контактом с Муссолини: в сере-

¹¹ См. “Тройную переписку” Синьорелли с О. А. Шор и В. И. Ивановым в наст. томе.

¹² Дополнительные сведения об интересе Муссолини к творчеству Бердяева и о посредничестве Ольги Синьорелли, см. в ее переписке с Е. Д. Шором в втором томе наст. издания.

дине 1930-х годов она предполагала содействовать переводу и выходу в свет в издательстве Guanda книг Бердяева “О назначении человека”, “Новое средневековье”, “Правда и ложь коммунизма”. Эти проекты, однако, не увенчались успехом.

Пять публикуемых ниже писем Н. А. Бердяева хранятся в фонде Синьорелли (FSFC); два письма Синьорелли – в архиве Н. А. Бердяева в РГАЛИ (Ф. 1496. Ед. хр. 700. Л. 1-3об.). Первое из публикуемых писем было включено Э. Гаретто в ее публикацию “Materiali sull’emigrazione russa dall’archivio di Olga Resnevic Signorelli” (Europa Orientalis. 1991. P. 399). Текст писем Синьорелли №№ 2, 5 подготовлен к печати Е. Бронниковой, писем Н. Бердяева – А. Шишкиным.

М. Д. Фалилеев. Портрет Н. А. Бердяева. Автолитография. 1922 г.

1

Н. А. Бердяев – О. Синьорелли

Berlin W.35, Magdeburgerstrasse 20 I, bei Lutter

14 Ноября <1923>

Многоуважаемая Ольга Ивановна!

Мне захотелось написать Вам несколько слов и выразить Вам, как нас тронуло Ваше отношение к нам и Ваши заботы о нас в Риме. От дней, проведенных в Риме, у нас осталось очень теплое чувство. Мы с большой грустью покинули Италию и вернулись в Берлин. В Берлине становится очень трудно жить.¹ Если придется покинуть Германию, то более всего я мечтаю о переезде в Италию. Но это с трудом осуществимая мечта. Еще раз благодарю Вас за радушный прием и заботы. Сожалею, что моя болезнь помешала мне еще раз побывать у Вас и побеседовать по душе <так!>. Передайте от меня большой привет Вашему мужу, к котор<ом>у у меня есть живая симпатия.² Моя жена³ также передает Вам и Вашему мужу благодарность и привет. Всего Вам лучшего.

Душевно расположенн<ый к> Вам

Ник. Бердяев.

<Еще> прошу Вас, когда увидите П. П. Муратова, передать ему это письмо.⁴

¹ Ср.: “В последнюю зиму 23-24 гг. в Берлине немецкая атмосфера стала тяжелой и катастрофической” (*Бердяев Н. А. Автобиография // Бердяев Н. А. Собр. соч. Т. 1. С. 292*).

² Анджело Синьорелли (1876-1952), врач, коллекционер.

³ Лидия Юдифовна Бердяева (урожд. Трушева, 1871-1945).

⁴ Данное письмо Бердяева к Муратову не выявлено.

2

О. Синьорелли – Н. А. Бердяеву

Рим, 5 марта <19>33

Via XX Settembre 68

Уважаемый Николай Александрович,
как давно не видались и как приятно было бы повидаться. Римские дни ярко живут в моей памяти.

Завтра уезжаю на Ривьеру, чтобы поправиться от длинной и утомительной инфлуенции и чтобы работать. Буду до лета в S. Remo Hotel

Miramare. Если все будет благополучно, надеюсь добраться и до Парижа.

Приблизительно месяц тому назад я была на аудиенции у Муссолини, и он мне сказал, что только что кончил читать Ваше “*Moyen Âge*”¹ и что эта книга его очень заинтересовала. Он высказал желание познакомиться и с “*Душой России*”² и с интересом справлялся о Вас.³ Если бы Вы прислали ему что-нибудь Ваше, было бы очень любезно. Можно послать просто: S.E. V. Mussolini Palazzo Venezia – Roma. Он читает тоже по-немецки. Только что вышла в моем переводе “*Переписка из двух углов*” Иванова и пользуется успехом у публики.⁴ В прессе о русских книгах у нас не говорится, но книги выходят и читаются даже Главою Правительства!

Сердечный привет вам обоим и крепко и сердечно жму Вашу руку
Ольга Ресневич-Синьорелли

¹ Имеется в виду кн.: *Berdjaev N. Un nouveau Moyen Âge: réflexions sur les destinées de la Russie et de l'Europe.* Paris: Plon, 1930.

² См. предисловие к наст. публикации и сноску к нему 3.

³ 9 апреля 1933 г. Синьорелли пишет Е. Д. Шору: “Большое Вам спасибо за статью Бердяева, которая очень ясна и верна. Я ее давала тут читать кому она могла быть понятной или, скорее, доступной, и теперь пошлю ее Муссолини, так <как> он мне говорил о своем интересе к идеям Бердяева”. Этому энтузиазму вторил Е. Д. Шор из Берлина – см. его письмо от 11 апреля 1933 г. в втором томе наст. издания.

⁴ Речь идет об итальянском переводе “*Переписки из двух углов*” Иванова и Гершензона: *Venceslao Ivanov, M. O. Gersenzon. Corrispondenza da un angolo all'altro / Traduzione dal russo di Olga Resnevic riveduta da Venceslao Ivanov. Introduzione di O. Deschartes.* Lanciano: R. Carabba, 1933. См. подробнее об истории этого перевода в преамбуле к “*Тройной переписке*” О. Синьорелли с О. Шор и В. И. Ивановым в наст. томе.

3

Н. А. Бердяев – О. Синьорелли

Clamart (Seines, 14, rue de St.Cloud)

16 февраля <1935>

Многоуважаемая Ольга Николаевна,¹

Очень рад был получить от Вас письмо,² но оно меня немного смутило. Я считал, что с издателем “*Guanda*”³ вполне решен вопрос об издании моей книги “*О назначении человека*”. Он предложил мне вполне определенные условия и даже писал, что вышлет аванс и договор, как только будет получена моя книга. Теперь оказывается, что подвергается сомнению издание книги “*О назначении человека*”, а также и выработанные уже гонорарные условия. Я ничего не имею против из-

дания на итальянском языке моих книг “Новое средневековье” и “Правда и ложь коммунизма” и готов вступить по этому поводу в переписку с издателем. Но хотел бы, чтобы издавалась и книга “О назначении человека”, как было условлено с Guanda. Книга эта не так велика и могла бы вполне быть издана в одном томе, как по-русски. Что касается гонорарных условий, то я готов был бы немного понизить процент, но считаю обязательным получение аванса. В других странах я получаю больше, даже в Испании, стране более бедной и менее щедрой, чем Италия. Меня удивило то, что Вы пишете о малом распространении в Италии книг, посвященных духовным проблемам. Мне казалось, что в Италии интересуются философскими книгами. Беда, конечно, в том, что сейчас во всем мире поглощены интересами политики. Что касается присылки Вам книг по-русски, то “Нового средневековья” у меня нет ни одного лишнего экземпляра, а “Правда и ложь коммунизма” не существует как цельная книга по-русски, есть лишь отдельные статьи, которые могу прислать (книга существует по-французски).⁴

Я все-таки напишу “Guanda” для окончательного выяснения вопроса об издании моих книг.⁵ Моя жена просит передать Вам привет. С большим удовольствием вспоминаем о своем пребывании в Италии. Жму Вашу руку

Преданный Вам Николай Бердяев.

¹ Здесь и в дальнейших письмах Бердяев называет Синьорелли “Ольга Николаевна”.

² Речь идет о письме, которое издатель Гуанда написал Синьорелли 28 января 1935 г.: “Глубокоуважаемая госпожа, Я уже успел отослать Вам предыдущее письмо, когда пришло письмо от Бердяева, которое считаю необходимым немедленно переслать Вам. Как видите, Бердяев не против предоставить мне исключительные права по изданию своих сочинений. Для меня это еще одна причина, чтобы представить прежде всего его книгу ‘Новое средневековье’. Это будет полезно для лучшего понимания вкусов итальянских читателей по отношению к нему. После этого сочинения можно будет проследовать с “Esprit et liberté” – книгой поразительной и огромного интереса, и наконец – “О назначении человека”. Если Вы надумаете обратиться к нему с письмом, то вот его адрес: 14, rue de St. Cloud Clamart (Seines) Francia. Если Вы будете писать ему, то упомяните о направлении моего издательского дела – я только мельком коснулся его – и намекните, что его книги в Италии не могли бы попасть в лучшие руки, имея в виду основательность и деловитость. Перешлите мне обратно прилагаемое письмо и подтвердите, что написали Бердяеву. Уверен, что благодаря Вашему посредничеству дела будут решены предельно быстро, так как в финансовом отношении мы достигли полного согласия, предприняв все, чтобы сотрудничать с писателем, по отношению которому мое уважение огромно. Благодарю Вас за все, с живейшим почтением Гуанда. [В левой нижней части письма: “А для Маритена?”]

³ Издательство, основанное в городе Модена в 1931 г. Уго Гуандалини (1905-1971).

⁴ Первое издание работы Бердяева вышло в 1933 г. под названием “Problème du Communisme (Vérité et mensonge du communisme, psychologie du nihilisme et l’athéisme russes, ‘La ligne générale’ de la philosophie soviétique)” в парижском издательстве Desclée de Brouwer в серии “Questions Disputées”. Итальянский перевод этой книги был издан у малоизвестного издателя: *Berdiaeff Nicola. Il problema del comunismo / Versione dal francese di Pietro Cenini, permessa dall’Autore. Brescia: Gatti, 1937.* До этого, в 1936 г. у издателя Laterza вышла книга “Il cristianesimo e la vita sociale”, переведенная с французского издания “Le christianisme et la lutte de classe” (Paris: Demain, 1932).

⁵ Это письмо не выявлено.

4

Н. А. Бердяев – О. Синьорелли

Кламар, 8 августа 1935

Многоуважаемая Ольга Николаевна,

Был бы очень рад видеть у себя итальянского посетителя,¹ но к сожалению меня не будет в конце августа и начале сентября. После 20 августа я уезжаю лечиться и буду отсутствовать до 20 сентября.

С изданием моих книг на итальянском языке дело не движается. Видно в Италии это не так легко.

У меня к Вам небольшая просьба. Не могли бы Вы сообщить мне адрес герцогини де Чезаро, у которой мы с Вами были в Риме. Она полурусская по происхождению.² Возможно, что Вы знаете ее адрес. Буду благодарен за сообщение.

Жму Вашу руку

Преданный Вам Николай Бердяев

¹ Как видно из дальнейшего контекста, имеется в виду Джованни Кавикьоли. См. о нем новейшие публикации: *Rizzi D. Olga Signorelli nella storia culturale italiana della prima metà del Novecento // ARI, VI. T. II* (по указ.); *Garzonio S., Sulpasso B. “Cresce la messe di cui ella sarà falciatore”*: lettere di G. Cavicchioli a V. Ivanov // ARI, VIII. P. 141-184.

² Имеется в виду Нина Антонелли (Nina Antonelli), русская во втором поколении, автор кратких мемуаров “Dieci mesi nella Croce Rossa in Russia: dal mio diario di infermiera” (*La vita italiana. Aprile 1916. Vol. 7, fasc. 40*), жена Дж. А. Колонна ди Чезаро (Giovanni Antonio Colonna di Cesarò, 1878-1940). В 1917 г. в ее переводе на итальянский язык вышел манифест Н. Гончаровой и М. Ларионова “Лучизм” (*Goncharova N., Larijonov M. Radiantismo. Roma 1917*). З. Гиппиус в письме к Н. Антонелли от 19 декабря 1936 г. упоминает два ее романа и стихотворения, не выявленные до настоящего времени (см.: *Simcik Arese M. Vasilij Kandinskij e il suo traduttore italiano // Russi in Italia. A cura di V. Strada. Milano 1995. P. 250-251*). Об Антонелли и ее муже, герцоге Колонна ди Чезаро, хозяйне римского салона, авторе переводов В. Кандинского см.: Там же. P. 247-255. Ср. также упоминание о ней в записи о “русском Риме” в дневнике Гиппиус от 5

мая 1936 г.: “‘дом’ Вячеслава (с ним самим), фашист ‘Сковородкин’, два иезуита (восточного обряда, монсиньор и гости толстухи Радзивилл с ее Мими, толпа у Ло Гатто, толпа у Де-Нуччо (и она сама), Дюк Чезарò с его милой женой” (*Гиттис 3. Дневники. Т. 2. М.: НПК “Интелвак”, 1999. С. 386).*

5

О. Синьорелли – Н. А. Бердяеву

Капри, 30 августа 1935

Глубокоуважаемый Николай Александрович,

Простите, что из-за переезда на Капри с некоторым запаздыванием посылаю Вам адрес герцогини де Чезаро. Это: <нрзб.> Nina di Cesarò Via Gregoriana 12.

Прошу, сообщите мне в Рим, когда Вы возвращаетесь в Париж? Мой знакомый¹ отложил свою поездку, так как Вы – одна из его главных целей в Париже. Он очень бы хотел Вас повидать и с Вами поговорить. Он – один из тех редких людей, которые берут духовную жизнь очень серьезно, для которых она-то и есть единственная жизнь. Беседа с Вами ему принесет очень много добра. Я возвращаюсь в Рим завтра, и мой адрес там: Via XX Settembre 68. Я надеюсь, что это письмо Вас достигнет и что Вы мне ответите.

Сердечно жму Вашу руку

Ольга Синьорелли-Ресневич

¹ Джованни Кавиккиоли (Giovanni Cavicchioli, 1894-1964) – поэт, романист, литературный критик, антропософ, близкий друг О. И. Синьорелли..

6

Н. А. Бердяев – О. Синьорелли

Clamart, 28 ноября 1935

Дорогая Ольга Николаевна,

Вас ввели в заблуждение, сказав, что я написал книгу об антропософии. Такой книги у меня нет, и об антропософии специально я не писал. Может быть имели в виду вышедший сборник “Переселение душ”,¹ где есть и моя небольшая статья, но не специально об антропософии. Я вижу, что Вы много путешествуете. О Вас и об Ивановых² рассказывала нам Л. А. Крестовская,³ которая была в Риме.

Всего лучшего.

Ваш Ник. Бердяев.

Николай Бердяев. 1930-е гг.

Если бы Вы заинтересовались сборником “Переселение душ”, то Вы можете его выписать, написав в издательство – YMCA Press, 10, Boulevard. Montparnass, Paris. Как устроить с деньгами издательство Вам укажет.

¹ Статья “Учение о перевоплощении и проблема человека” (Переселение душ. Париж: Ymca Press, 1935. С. 65-82; см. ее переиздание: Переселение душ. Сборник. М.: Ассоциация Духовного Единения “Золотой Век”, 1994. С. 254-267).

² Отметим, что это едва ли не единственное упоминание Вяч. Иванова и его семьи в переписке Бердяева в эмиграции. Ср. также : “Поздравление от моей Лидии <так Л. Ю. Бердяева называла дочь Вяч. Иванова> из Рима... Внизу приписка от Вяч. Иванова, которая меня удивила. Удивила, потому что все эти годы он не писал” (*Бердяева Л.* Профессия: жена философа. Профессия. С. 63).

³ Лидия Александровна (Альбертовна) Крестовская (урожд. Ратнер, 1899-1957), путешествуя по Италии в 1935 г., познакомилась с семьей Вяч. Иванова. Автор книг на русском и французском языке. См. о ней: Российское зарубежье во Франции. 1919-2000. Биографический словарь: В 3 т. / Под общей редакцией Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М. 2008. С. 754-755. Первый муж – В. В. Крестовский, 2-й муж – Сергей Андреевич Ильницкий. В Париже посещала бердяевские лекции. В РГАЛИ, судя по электронному каталогу, хранятся два ее письма к Бердяеву 1925 и 1934 гг., ее письма к В. И. Иванову см. на сайте <http://www.v-ivanov.it/archiv/op5-k06-p06-09.htm> и далее. В недатированном письме к Вяч. Иванову, видимо, конца декабря 1935 г., ее муж Сергей Александрович Ильницкий сообщал: “Недавно мы провели вечер около елки у Бердяевых. Говорили о Вас. Вспоминали очень тепло” (РАИ, оп. 5, папка 6, л. 9 об.). В архиве Синьорелли хранятся 36 ее писем 1935-1952 гг. (FSFC, папка “Krestovskaja”).

7

Н. А. Бердяев – О. Синьорелли

Clamart, 11 июля 1937

Многоуважаемая Ольга Ивановна!

Около 25 июля я еще буду в Париже и буду рад Вас увидеть. У меня нет телефона, но Вы можете написать pneumatique и я Вам отвечу, как можно встретиться. Адрес Б. П. Вышеславцева – 19, rue Clos-Fenquières (XV).¹ Но его около 25 июля не будет в Париже, он на конференции в Англии.

Преданный Вам Николай Бердяев

¹ Борис Петрович Вышеславцев (1877-1954), русский философ, религиозный мыслитель; в эмиграции профессор русского Богословского института в Париже. Принимал участие в цикле лекций в Риме в 1923 г. См. его письмо к Синьорелли в приложении к письмам Бориса Зайцева в наст. томе.

ПИСЬМА Ф. Г. ГОЗИАСОНА (1920-1970)

Публикация Раффаэлла Вассена

Среди русских художников-эмигрантов, до сих пор мало известных в России, с которыми Ольга Синьорелли поддерживала переписку (таких как Григорий Шилтян,¹ Федор Бренсон,² Борис Билинский³), заслуживает внимания личность и корреспонденция Филиппа Германовича Гоziасона (1898-1978), дальнего родственника Бориса Пастернака по линии матери. Это был оригинальный художник-новатор, письма которого, наполненные щемящей ностальгической тоской по Риму и Италии, примечательны той глубинной духовной близости, которая часто возникала между итальянским художественным миром и русскими эмигрантами.

Филипп Гоziасон и Ольга Синьорелли познакомились, по всей вероятности, в начале 1920 года в Риме. Этот город был первым пристанищем супругов Гоziасон, бежавших на пароходе из родной Одессы при наступлении красных 21 ноября 1919 года.⁴

Для Ольги Синьорелли это были месяцы неустанных интеллектуальных поисков. Продолжается ее духовный союз с Джованни Папини, возникший на почве совместного изучения Достоевского (Ольга

¹ Григорий Иванович Шилтян (1900-1985) – художник армянского происхождения. В FSFC сохранилось два его письма к Ольге Синьорелли 1933 г. (ARI, VI. Т. 1. P. 67).

² Федор Бренсон (1893-1959) – художник, гравер и иллюстратор, приехавший в Италию в 1924 г. В FSFC сохранилось два его письма к Ольге Синьорелли 1924 г. (ARI, VI. Т. 1. P. 24).

³ Борис Константинович Билинский (1900-1948) – художник театра и кино, плакатист, переселившийся в Италию в 1939 г. после долгой и плодотворной деятельности в Берлине и Париже. В FSFC хранятся два письма 1945 г., адресованные О. Синьорелли (ARI, VI. Т. 1. P. 24).

⁴ *De Rosa S. Philippe Hosiasson. Catalogo della mostra. Firenze: Maschietto Editore, 1995. P. 35.*

Синьорелли работала в это время над переводом романа “Бесы”).⁵ В ее салоне на Via XX Settembre начинают собираться молодые деятели новой итальянской культуры. Таким образом, Ольга Синьорелли ввела Гозиасона в римско-флорентийский культурный круг. Следует заметить, что еще до знакомства с ней русскому художнику посчастливилось встретиться с Антоном Джулио Брагалей, с которым он познакомился во время путешествия на теплоходе из России в Италию. Именно в Доме искусства Брагалья в апреле 1921 года была устроена первая персональная выставка Гозиасона в Италии; здесь была представлена серия его рисунков на римскую тему, с зарисовками уличной толпы, древних дворов, руин и домов в квартале Трастевере.⁶

В мае 1921 года Гозиасон и его жена переехали в пригород Флоренции, где гостили у литовского поэта Михаила Лопатто.⁷ Приехавший в Италию в 1920 году, Лопатто был знаком с художником еще со времен Одессы, где в 1918 году Гозиасон опубликовал для издательского дома “Омфалос”, основанного Лопатто, свое исследование об испанском художнике Эль Греко.⁸ Во Флоренции Гозиасон общался также с В. А. Боберманом⁹ и Л. В. Заком,¹⁰ уже знакомыми ему по Риму, поскольку их работы выставлялись в той же галерее Брагальи в мае 1921 года.¹¹

⁵ О взаимоотношениях Синьорелли и Папини см. в нашей публикации “L’epistolario di Giovanni Parini e Olga Signorelli” (ARI, VI. T. I. P. 129-300).

⁶ *Verdone M., Pagnotta F., Bidetti M.* La Casa d’Arte Bragaglia 1918-1930. Roma 1992. P. 245-246. В журнале, редактировавшемся Брагалей, Гозиасон опубликовал статью “Lo sciopero della critica” (Cronache d’attualità. Gennaio 1921), вместе с некоторыми иллюстрациями, помещенными в выпусках за февраль-март и апрель 1921 года.

⁷ Поэтическому творчеству Михаила Лопатто посвящены исследования Стефано Гардзонио; см., например: *Гардзонио С.* Разыскания о флорентийском архиве М. Лопатто // Шестые Тыняновские чтения. Рига-Москва 1992. С. 250-256; *его же.* Два русских поэта во Флоренции (Анатолий Гейнцельман и Михаил Лопатто) // Культурное наследие российской эмиграции. Международная научная конференция. Сборник материалов. М. 1993. С. 65; *его же.* Михаил Лопатто – прозаик и исследователь пушкинской прозы // Вторая проза. Русская проза 20-х – 30-х годов XX века. Trento 1995. С. 359-374; *его же.* Новое о Михаиле Лопатто // Седьмые Тыняновские чтения. Москва-Рига 1997. С. 320-334; *его же.* К истории поэзии 1910-х годов. Письма М. И. Лопатто к Г. П. Струве // Тыняновский сборник. Одиннадцатые Тыняновские чтения. М.: ОГИ, 2002. С. 186-194.

⁸ *Гозиасон Ф. Г.* Жизнь и творчество Эль Греко. Одесса: “Омфалос”, 1918.

⁹ Владимир Абрамович Боберман (1897-1977) – художник и сценограф.

¹⁰ Лев Васильевич Зак (1892-1980) – художник и скульптор.

¹¹ О выставке В. А. Бобермана и Л. В. Зака в Доме искусств Брагалья см.: *Verdone M., Pagnotta F., Bidelli M.* La Casa d’Arte Bragaglia 1918-1930. P. 251-252.

Через несколько месяцев супруги Гозиасон покинули Италию и уехали в Берлин, где художник, совместно с Боберманом, Заком и Челищевым,¹² начал работать в качестве сценографа для недавно возникшего под руководством Бориса Георгиевича Романова¹³ Русского романтического театра.

Мотивы переезда в Берлин поясняются самим Гозиасоном в письме Ольге Синьорелли от 16 января 1922 года, в котором художник признается в том, что разрывается между необходимостью оставаться в Берлине и желанием вернуться в Италию. Причины, побуждающие его остаться в Берлине, изложенные в письме, мало отличались от обстоятельств многих русских эмигрантов, побывавших в Италии, мечтавших в ней остаться, но вынужденных, вопреки своей воле, селиться в других европейских городах, где можно было найти работу и прокормить себя.

Любовь к Италии, как бы то ни было, толкает Гозиасона попросить, в следующем письме без даты из Берлина, у Ольги Синьорелли помощи в установлении обмена с итальянским миром культуры и искусства. Сведения, содержащиеся в этом письме Гозиасона, позволяют датировать его приблизительно ноябрем 1923 года: мы имеем в виду, в первую очередь упоминание С. Л. Франка и “уезжающих профессо-

¹² Павел Федорович Челищев (1898-1957) – живописец и театральный художник. См. его письма к Ольге Синьорелли в втором томе наст. издания.

¹³ Борис Георгиевич Романов (1891-1957) – хореограф, танцовщик и ведущий артист знаменитого петербургского кабаре “Бродячая собака”, сотрудничал с С. П. Дягилевым в качестве хореографа постановки “La Tragédie de Salomé” (“Трагедия Саломеи”) Флорана Шмитта (12 июня 1913, Théâtre des Champs-Élysées) и оперы И. Ф. Стравинского “Соловей” (26 мая 1914, Théâtre de l’Opéra); с 1917 г. – директор Мариинского театра. В конце 1921 г с супругой, балериной Еленой Александровной Смирновой, эмигрировал в Берлин. Получив финансирование от немецкого миллионера, некоего Гутхова, Романов, в течение нескольких месяцев, основал, совместно с танцовщицей варьете Эльзой Крюгер и с супругой, труппу, состоявшую из приблизительно пятидесяти балерин, сначала называвшуюся “Русский театр”, а затем – “Русский романтический театр”. Подробнее о Русском романтическом театре см.: *Böhmg M. Das russische Theater in Berlin 1919-1931. München: Verlag Otto Sagner in Kommission, 1990. P. 146-157; Braunsweg J. Braunsweg’s Ballet Scandals. The Life of an Impresario and the Story of Festival Ballet. Ed. by J. Kelsey. London: George Allen & Unwin Ltd. 1973. P. 39-54. Первым из итальянцев, отметивших Русский романтический театр (известный также под названием “Русский романтический балет”), был уже упомянутый Антон Джулио Брагалья, в статье которого, подписанной псевдонимом “Джованни Мираколо”, воспроизведены некоторые эскизы Ф. Г. Гозиасона, выполненные для труппы Бориса Романова: см. *Miracolo G. I balli romantici di Smirnova e Romanoff // Comœdia. 1925. № 18. P. 942-944. С 1934 г. Романов стал хореографом школы при Оперном театре в Риме. См.: Piccolo L. Peana Leonidoff: lo schermo e la danza. Roma: Aracne, 2009. P. 187.**

ров”, что недвусмысленно отсылает к известному эпизоду поездки из Берлина в Рим (по приглашению Института Восточной Европы) для чтения лекций русских философов и ученых, состоявшейся в ноябре 1923 года; среди них был и Франк.¹⁴ Датировка этого письма подтверждается упоминанием в нем двух балетов, “Жизель” и “Кватроченто”, из репертуара Русского роман-тического театра, которые были показаны в Театре Аполло в Вене.¹⁵

Для сюжета русско-итальянских связей это письмо наиболее значимо. В нем Гозиасон обращается к Синьорелли с предложениями о сотрудничестве и посредничестве. Первое касается перевода на итальянский язык повести Н. В. Гоголя “Рим”. Отдельное издание этой повести было подготовлено на русском языке для берлинского издательства “Вальтер и Ракинт”. Для него художник сделал пять литографий. Как можно судить из письма представителя этого издательства от 19 октября 1923 года, адресованного Ольге Синьорелли (хранится в APES), для подготовки итальянского издания он намеревался привлечь тот же Институт Восточной Европы. Из письма издателя также следовало, что сами переговоры шли успешно: он признается, что очень заинтересован предложением переводчицы, которое было передано ему Гозиасоном, и прилагает к письму экземпляр русской книги.¹⁶ По неизвестным причинам итальянское издание, однако, осуществлено не было.

Кроме того в ноябрьском письме Гозиасона содержится просьба помочь организовать турне Русского романтического театра в Teatro Costanzi в Риме. Выступление в Риме в намеченные сроки не состоялось: Русский романтический театр гастролировал в Италии позже, в марте 1926 года в театрах Турина,¹⁷ Венеции и Рима.

¹⁴ См. об этом в публикуемых в наст. издании письмах Н. А. Бердяева, Б. П. Вышеславцева, Б. К. Зайцева, П. П. Муратова.

¹⁵ *Molnàri A.* Das russische Theater im Wien der 1920er Jahre. Diplomarbeit, Universität Wien, Oktober 2008. P. 54. После Вены труппа Бориса Романова планировала гастроли в Варшаве, но они не состоялись из-за сложности в получении виз (см.: *Braunsweg J.* Braunsweg’s Ballet Scandals. P. 41). На начало 1924 г. были запланированы гастрольные выступления в Колизее в Лондоне (Там же. P. 42-45), на апрель – в Париже, а в июне того же года – в Мадриде (Там же. P. 46).

¹⁶ Хотя на титульном листе указан 1924 г., повесть “Рим” в издательстве Вальтер и Ракинт, вышло осенью 1923 г. (что является еще одним аргументом в пользу нашей датировки письма Гозиасона).

¹⁷ См.: *Mortari C.* Al Teatro di Torino. Con la Signora del Balletto Russo // La Stampa. 4 marzo 1926 ; Al Teatro di Torino. I balletti romantici russi // La Stampa. 5 marzo 1926.

Выступление Русского романтического театра в Париже, в апреле 1924 года,¹⁸ Гоziасон использует, чтобы окончательно там обосноваться. И хотя это ему удалось, и хотя с 1928 года он стал гражданином Франции, художник не прекращает испытывать к Италии особое пристрастие, о чем, кроме прочего, свидетельствует ориентация его искусства в тридцатые годы: он примыкает к “неогуманизму” польско-французского критика искусства Вальдемара Жоржа, ратовавшего за возвращение к искусству античного Рима.¹⁹ В 1932 году, работы Гоziасона, выполненные в этом ключе и представленные на персональной выставке в миланской Galleria Milano, встретили одобрение такого строгого критика, как Карло Карра, который приветствовал его “возвращение к итальянским истокам”.²⁰

В те же 1930-е годы Гоziасон установил контакты с Пьетро Мария Барди, директором Galleria di Roma, чтобы организовать встречу Вальдемара Жоржа с Муссолини.²¹ Лишь в конце сороковых годов, пройдя через драматический опыт войны и тяжелые невзгоды, Гоziасон отходит от фигуративного искусства, став адептом абстрактной живописи и сблизившись с представителями американского экспрессионизма.

Мы не располагаем сведениями о контактах Гоziасона с Ольгой Синьорелли в 1940-х – 1950-х годах, хотя не исключено, что они могли встречаться во время какой-то из поездок художника в эти годы в Италию. Более частыми поездки сделались в конце шестидесятых годов, когда сложилось профессиональное и личное содружество Гоziасона с бергамской Galleria Lorenzelli, позднее переместившейся в Милан.²² Именно после одной из персональных выставок художника в этой галерее, в апреле 1968 года возобновились его отношения с Ольгой Синьорелли. В письме на итальянском языке из Парижа от июля

¹⁸ См.: *Sept représentations de gala des Ballets Romantiques Russes // La Danse. Avril 1924. P. 2.* Благодарю Патрицию Вероли за указание этого источника.

¹⁹ Теория Вальдемара Жоржа, считавшего обращение к древнеримским формам, единственной возможностью остановить дегенерацию современного искусства, изложена в его книге: *George W. Profitti e perdite dell'arte contemporanea /* Перевод А. Soffici. Firenze: Vallecchi, 1933.

²⁰ *Carrà C. Pittori stranieri a Milano // L' Ambrosiano. 9 novembre 1932.*

²¹ В Гражданском историческом архиве Милана, в фонде Пьетро Мария Барди, сохранилось три письма, две почтовые открытки и телеграмма (1933) Ф. Г. Гоziасона этому владельцу галереи и художественному критику.

²² В семидесятые годы Гоziасон подолгу останавливался у своего друга Михаила Лопатто в Тоскане: см. *Луцик С. Филипп Гоziасон, парижский художник из Одессы // Альманах “Мория”. 2006. № 5. http://www.moria.hut1.ru/ru/almanah_05/01_07.htm*

1968 года художник благодарит ее за томик писем Де Пизиса,²³ посланный ему во время его пребывания в Бергамо. С этого момента периодически и на краткий период восстанавливается переписка, которая прерывается за три года до смерти Синьорелли (1973).

В Фонде Синьорелли (FSFC) сохранилось семь писем на русском языке и одно письмо – по-итальянски. В одно из писем вложена визитная карточка художника. Пять наиболее содержательных писем на русском языке включены в настоящую публикацию. Ответные письма Синьорелли не сохранились.

Филипп Гозиасон. Автопортрет. 1923 г.

²³ *De Pisis F. Lettere a un'amica. 50 lettere a Olga Signorelli (1919-1952). Introduzione di O. Signorelli. Milano: Scheiwiller: All'insegna del pesce d'oro, 1967.*

1

<4. VIII. 1920>¹

Многоуважаемая Ольга Ивановна,

Сердечное спасибо за открытку. Я очень рад, что Вы в таком восторге от моря. Что до нас, в Риме бывало страшно жарко, но сейчас очень хорошо – ясно, прохладно. Поездка моей жены все еще висит в воздухе, forse che sì, forse che no.² У Вашего супруга³ мы были пару раз по делам. Он отлично чувствует себя. Работаю сейчас довольно много. Сердечный привет Ф. Г.

Сердечный привет О. Г.

P. S. Т. к. возможно, мы поедем во Флоренцию на пару дней, если не трудно пришлите мне реком<ендательные> письма для Soffici⁴ и Papini.⁵ Буду от души благодарен.

Suo dev<otissi>mo Ф. Г.

¹ Дата установлена по почтовому штемпелю.

² Может быть, да, может быть, нет (*um.*).

³ Анджело Синьорелли (Angelo Signorelli, 1876-1952), врач, коллекционер.

⁴ Арденго Соффичи (Ardengo Soffici, 1879-1974), итальянский писатель, поэт и живописец.

⁵ Джованни Папини (Giovanni Papini, 1881-1956), итальянский писатель, философ. Встреча Гозиасона с Папини, по всей видимости, не состоялась, так как в летние месяцы 1920 г. Папини отдыхал в Pieve S. Stefano (Arezzo).

2

18 м<ая> 1921

<Флоренция>¹

Многоуважаемая Ольга Ивановна

Мы уже устроились на нашей вилле.² Красота упоительная: се-ребренные холмы, черные кипарисы, и вдали купола и кампанилы Флоренции. Работаю прямо запоем. Мне кажется, что на свете нет ничего красивее Тосканы. Сердечный привет Вашим

Ваш Ф. Гозиасон

Сердечный привет О. Гозиасон

¹ Место установлено по почтовому штемпелю.

² Имеется в виду Вилла Малафраска, где жил Михаил Лопатто.

Philipp Hosiasson
Pensione Stalter
Lutherstrasse 13, Berlin W 26
Берлин 16 января 1922

Многоуважаемая Ольга Ивановна

Прежде всего должен извиниться: мое молчание и опоздание в передаче книги¹ объясняется двумя весьма вескими причинами. Во-первых, мы с огромным трудом, после десятидневных скитаний, нашли комнату. Во-вторых, эпидемия гриппа, свирепствующая здесь, не пощадила моей жены. Только в последние дни здоровье ее улучшилось, и я начал искать доктора Кассирера.² Найдя его, я был у него с визитом, передал книгу, за которую он был чрезвычайно благодарен. Мы очень долго и оживленно с ним беседовали. На следующий день он был в ателье, смотрел работы моего друга³ и мои. И мы снова много болтали. Он изумительно симпатичный и культурный человек. Разговаривая с ним забываешь, что живешь в Берлине, городе одинаково безвкусных улиц, крикливых платцов <так!> и угольного неба.

Вы представить себе не можете, как до слез больно делается при мысли об Италии, где мы недавно были и откуда почему-то уехали, променяли рай на будни.

Мне кажется теперь диким решение покинуть Италию. Все наши страдания в Италии, наша неустроенность, гнет бедности – все забыто, серьезно забыто: мне кажется, что я всегда был там счастлив, что стоит перейти границу снова – и я буду жить, как бы, под синим небом, гулять вдоль коричнево-красных домов, видеть в конце улиц обелиски. Мне нужно делать большое усилие, чтобы понять, что здесь жизнь дешевле и легче, что материальные заботы терзают меня гораздо меньше, а в будущем я от них, быть может, совсем избавлюсь. Что мое искусство интересует и привлекает людей, хотя я ничего для этого не делаю, и много, много другого.

Но ведь эти разумные, действительно разумные доводы не могут заполнить той пустоты, которая образовалась после отъезда из Италии. Ничто меня не привлекает: ни театры, ни лекции, ни музыка. На выставки хожу из профессионального интереса, в музеи обхожу итальянские залы, дабы не разжигать раны.

Разлука с родным домом, два года назад, была мне много легче, чем расставание с Италией.

Верно, что будущее будет милостиво, и я снова буду в этой единственной стране, где камни суть камни, небо – небо, люди – люди, а не тени, призраки, живые фотографии, как здесь. Но лучше не думать об

этом: мысль о возврате в Италию действует на меня, как кофеин на сердце. Слишком много волнения.

Видел Г<еоргия> А<лександровича> Кроля.³ Он обещал написать Вам и очень <нрзб.> кланяется.

Если не трудно, напишите о Риме. Dio benedetto,⁴ Рим существует, это не сон!

Сердечный привет Вашим. Ваш Ф. Гозиасон

Ольга Алекс<андровна> шлет искренний привет

¹ О какой книге идет речь, установить не удалось.

² Пауль Кассирер (Paul Cassirer, 1871-1926) – берлинский издатель и владелец галереи.

³ Георгий Александрович Кроль (1893-1932), театральный и кинематографический режиссер. См. его письма к О. Синьорелли в наст. томе.

⁴ Благословенный Боже (*ит.*)

Ф. Гозиасон. Римский форум. Рисунок 1933 г.

<ноябрь 1923, Берлин>¹

Многоуважаемая Ольга Ивановна,

Проф<ессор> Франк² любезно согласился передать Вам книги. Наше издательство сопровождает их письмом, где разбирает вопрос о возможности издания “Рима”³ на итальянском языке, если Вы согласитесь перевести текст. От себя могу прибавить, что был бы счастлив, если бы “Рим” вышел на моем любимом языке в любимой моей стране! Надеюсь, что это возможно.

Кроме того, попрошу Вас переслать или передать Раисе Григорьевне Нальди⁴ экземпляр “Рима”, т. к. я адрес ее не знаю. Думаю, что это не очень Вас затрудит и благодарю заранее.

Как я завидую уезжающим профессорам, Вы легко можете себе представить. Я бы много дал за то, чтобы увидеть кэпи ferrtoviere⁵ и услышать “cargozza” и “partenza”!⁶ Только за это одно!

Романтический Театр, в котором я принимаю большое участие, в настоящее время заканчивает третью программу, с которой в начале ноября выступил в Берлине, затем в Вене. Третья программа состоит из классического балета “Жизель” Теофиля Готье и нового совершенно балета,⁷ из эпохи кватроченто, на сюжет из Angelo Poliziano с музыкой Владимира Метцля.⁸ Первый балет в декорациях Зака, второй – в моих с Боберманом. Режиссура и хореография Бориса Романова, который сейчас, безусловно, самый крупный мастер русского балета. Моя мечта – устроить гастролы Романтического Театра в Италии. Согласны ли Вы помочь этому делу? Думаю, что и Институт⁹ не откажет в содействии, т. к. во главе Ром<антического> Театра три такие крупные звезды русского балета, как Романов, Смирнова,¹⁰ Обухов,¹¹ действительные хранители традиций Императорских Театров. Не могли ли Вы сообщить, будут ли в этом году гастролы Дягилева?¹² Быть может, удалось бы устроить после Вены гастролы нашего театра в Costanzi?¹³ Я буду Вам горячо благодарен, если черкните пару слов по этому, очень меня лично волнующему, вопросу. Италия знает наш театр по газетам – Giornale d’Italia, Tribuna и др. помещали о нем восторженные корреспонденции из Берлина, где наш театр единогласно признан самым крупным из русских театров, созданных в Европе, как по размаху, так и по достоинству.

Простите, что столько пишу о делах. Но эти “дела”, ведь могут помочь мне вновь увидеть Рим! Этим много сказано, не правда ли?

Сердечный привет супругу, детям и всем друзьям. Моя жена шлет горячие пожелания всего доброго

Ваш Филипп Гозиасон

Berlin W30
Münchenstrasse 9

¹ Дата и место установлены по содержанию.

² Семен Людвигович Франк (1877-1950) – философ, литературовед, публицист, в сентябре 1922 г. выслан из России на знаменитом “философском пароходе”, жил в Берлине, профессор (с 1923 г.), затем ректор (1931-1932 гг.) Русского научного института, преподаватель Берлинского университета (1930-1937 гг.), с 1937 г. жил во Франции, с 1945 г. в Англии. В ноябре 1923 г. был приглашен в Рим на цикл лекций (см. об этом во вступительной статье), сделал доклад “Основная идея русской философии” (см. *Frank S. L'idea fondamentale della filosofia russa // Russia. Rivista di letteratura, arte, storia.* 1923. № 2. P. 509-516). Об этом см. также *Lo Gatto, E. I miei incontri con la Russia.* Milano: Mursia, 1976. P. 49.

³ Речь идет о кн.: *Гоголь Н. В.* Рим. Берлин: Вальтер и Ракинт, 1924 (с 5 литографиями Ф. Г. Гозиасона).

⁴ Раиса Григорьевна Олькеницкая-Нальди (*Raissa Grigor'evna Olkienickaja Naldi*, 1886-1978), литератор и переводчица. О ней см. на сайте www.russinitalia.it.

⁵ Железнодорожник (*ит.*)

⁶ Вагон; поезд отправляется (*ит.*)

⁷ Речь идет о балете “Кватроченто”.

⁸ В. Л. Метцль (1882-1938) – русский композитор и музыкальный критик, жил в Берлине.

⁹ Имеется в виду Институт Восточной Европы, основанный в Риме в 1921 г.

¹⁰ Елена Александровна Смирнова (1888-1934), прима-балерина Мариинского театра (1906-1920), участница первого из Русских сезонов Дягилева (1909); с 1920 г. жила в эмиграции, в 1922-1926 гг. совместно с мужем (Романовым) руководила труппой Русского романтического театра; с 1928 г. руководила педагогической работой в Буэнос-Айресе.

¹¹ Анатолий Николаевич Обухов (1896-1962) – артист балета, работал в труппе Б. Г. Романова с 1922 по 1925 гг.

¹² В 1923 г. гастроли “Русского балета” Дягилева в Италии не состоялись.

¹³ Турне в этом году не состоялось (см. преамбулу).

5

<2 ноября 1970, Париж>¹

Дорогая Синьора, спасибо за дружескую память, которая нас очень тронула – Вашу открытку нам прислали из Милана.² Террачина осталась в памяти как одно из самых красивых мест Римской Кампании. Очень бы хотелось Вас повидать – может быть представится случай. Всегда будем искренне рады встретить Вас и поговорить об уже столь далеком былом. С очень сердечным приветом от нас обоих

Ваш Ф. Гозиасон

¹ Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

² В октябре 1970 г. проходила персональная выставка Гозиасона в миланской галерее San Fedele. См. Philippe Hosiasson. Galleria S. Fedele. Milano 1970.

Филипп Гозиасон. 1960-е гг.

ПЕРЕПИСКА Н.С. ГОНЧАРОВОЙ И М.Ф. ЛАРИОНОВА
С ОЛЬГОЙ РЕСНЕВИЧ-СИНЬОРЕЛЛИ (1917-1957 гг.)

Публикация Э. Гаретто и А. д'Амелия

Переписка художников Н. С. Гончаровой (1881-1962) и М. Ф. Ларионова (1881-1964) с Ольгой Ресневич-Синьорелли является свидетельством их многолетней дружбы и содержит информацию об их пребывании в Риме, об их встречах и знакомствах и о дальнейших контактах. Переписка продолжалась более 40 лет, почти до самой смерти корреспондентов.

С Ольгой Синьорелли Ларионов и Гончарова познакомились в Риме, куда они приехали в конце сентября 1916 года с С. П. Дягилевым, Л. Ф. Мясиним и с администратором “Ballets Russes” С. Л. Григорьевым¹ для подготовки римского сезона “Русского балета”.² Для них римский период совпал с тем временем, когда они, наконец, завоевали славу и получили международное признание. Сотрудничество с антрепризой Дягилева стало для них началом нового творческого этапа, в значительной мере отличного от предшествующей художественной деятельности.

С Дягилевым Ларионов и Гончарова были знакомы еще по “Миру искусства”, ему были обязаны устройством парижских выставок 1906

¹ См. в Приложении его письмо к Синьорелли.

² См.: *Egizi E.* La Compagnia dei Balletti russi di Djagilev in Italia // Teatro e storia. XXII, 2008. P. 126; *Boissel J.* Sergej Djagilev: Import / Export // Natalija Goncarova - Michail Larionov. Catalogo (25 febbraio - 26 maggio 1996). Milano: Mazzotta, 1996. P. 33-46; *Omaggio a Sergej Djagilev.* I balletti russi cent'anni dopo (1909-2009), a cura di D. Rizzi e P. Veroli. Salerno: Collana di Europa Orientalis, 2012. См. также воспоминания С. Григорьева в сборнике: *Gontcharova et Larionov. Cinquante ans à Saint Germain-de-Près. Témoignages et documents recueillis et présentés par Tatiana Loguine.* Paris: Ed. Klincksieck, 1966, С.105-115; и воспоминания Фортунато Деперо (*Depero futurista.* Milano: Dinamo Azari, 1927. С. 133), в которых художник рассказывает о знакомстве с Ларионовым и Дягилевым.

года (Société du Salon d'Automne, IVe Exposition, Section: Art russe) и 1914 года (Galerie Bernheim Jeune, "Les artistes russes. Décors et costumes de théâtre et tableaux").³ К тому же оба уже работали с ним в 1913 году в качестве театральных художников при оформлении балета "Золотой петушок".⁴

Поработав с "Русским балетом" в Швейцарии в 1915 году, в конце того же года они переехали в Париж, а летом 1916 года отправились в Испанию, и лишь затем появились в Риме.

Римский сезон оказался очень оживленным и насыщенным как для "Русского балета", так и для обоих художников. Критики единогласно отметили плодотворное сотрудничество труппы Дягилева с итальянскими художниками Дж. Балла и Ф. Деспери. "Фейерверк", созданный Баллой на музыку Стравинского, ошеломлял публику и журналистов своей неожиданной новизной: на сцене танцовщиков заменили трехмерные геометрические деревянные конструкции (конусы, спирали и пирамиды), подсвеченные сзади и декорированные бумагой кричащих цветов. Исполнение занимало всего несколько минут, в течение которых освещение сцены постоянно менялось, создавая зрелище, для которого Балла придумал идеальное сочетание музыки-света-движения – чистая игра света на фоне разноцветных пластических форм; как позднее вспоминал Мясин, огни загорались и гасли в ритме музыки.⁵

Во время римского сезона "Русского балета" Ларионов сотрудничал с Мясиним в сценографии балета "Soleil de nuit" (Ночное солнце, на музыку "Снегурочки" Н.А. Римского-Корсакова),⁶ и работал над декорациями и костюмами к балету "Русские сказки" – тремя эпизодами на музыку Анатолия Лядова, сочиненными по мотивам русских народных сказок, но не успел закончить их и премьера состоялась уже в Париже 11 мая 1917 года (Илл. 4). Гончарова создала костюмы для ба-

³ Natalija Goncarova - Michail Larionov. Catalogo. P. 156. О поэтике постановок Ларионова см. также: *Одесский М. П.* М. Ф. Ларионов – историк театра // Художник и его текст. М.: Наука, 2011. С. 25-34.

⁴ Имеются в виду декорации и костюмы к балету "Золотой Петушок" (муз. Римского-Корсакова). Премьера состоялась в Париже 24 мая 1914 г. В эти годы интерес Гончаровой к театрально-декоративному искусству сильно возрастает: в 1915 г. она готовит для Камерного театра Таирова декорации для пьесы Гольдони "Веер".

⁵ *Massine L.* My life in ballet. New York: St. Martin's Press, 1969. P. 107.

⁶ О совместной работе Мясина и Ларионова см.: *Григорьев С. Л.* Балет Дягилева, 1909-1929 / Предисл. и коммент. В. В. Чистяковой. М.: Артист. Режиссер. Театр, 1993. С. 109. Впервые книга вышла по-английски: *Grigoriev S.* The Djagilev Ballet 1909-1929. London: Constable, 1953.

летов “Есрафа” (на музыку Равеля) и “Триана” (на музыку Альбениса).⁷ Одновременно она работала над серией картин “Мосты”.⁸

Сотрудничеством с Дягилевым для Ларионова и Гончаровой начался новый, европейский этап жизни и творчества, многие годы они будут тесно связаны с постановками “Русского балета” (Илл. 5).⁹ Для подготовки сцен и костюмов Сергей Дягилев и Леонид Мясин сняли квартиру с роялем на Via del Parlamento, которая превратилась в штаб-квартиру русской делегации, затем к ним присоединился Бакст, готовивший декорации и костюмы для балета “Женщины в хорошем настроении”. В январе 1917 года компания расширилась с появлением Кокто и Пикассо, которые прибыли в Рим для подготовки балета “Парад”, наконец, в марте приехал Стравинский – дирижировать “Жарптицей” и “Фейерверком”. Столько русских деятелей искусства Рим еще не видел!

Во время пребывания в Риме Ларионов и Гончарова участвовали в ряде выставок: в марте 1917 года на “Выставке русских художников и любителей искусства, проживающих в Риме”, которая состоялась в Библиотеке Гоголя на Via delle Colonnate 27, где Гончарова представила два рисунка и картину, названную “Евангелисты” – вероятно, вариант одной из лучших ее картин на библейский сюжет, “Четырех Евангелистов” (1910), а Ларионов две лучистские работы – “Освещенный тротуар” и “Портрет”, в которых бесчисленные цветные лучи накладываются друг на друга и расходятся, пересекая холст. Преодолев к этому времени абстрактный экспрессионизм Кандинского, влияние фовизма и неопримитивизма, Ларионов стал развивать собственное направление абстрактного искусства – лучизм, возникший не без влияния итальянского футуризма.¹⁰

Художники приняли участие также в выставке картин Леонида Мясина (Collection de Tableau de Leonid Massine), устроенной в апреле 1917 года в фойе театра Костанци и приуроченной к гастролям “Рус-

⁷ “Есрафа” и “Триана” только репетировались, но не были представлены в Риме.

⁸ О различиях приемов Гончаровой и Ларионова, как декораторов балетной сцены см.: *Илюхина Е.* Театр в творчестве М. Ф. Ларионова и Н. С. Гончаровой // М. Ларионов, Н. Гончарова: Парижское наследие в Третьяковской галерее. Графика. Театр. Книга. Воспоминания. М. 1999. С. 10; *Илюхина Е. А.* Ларионов, как теоретик и практик балета // Н. Гончарова, М. Ларионов: Исследования и публикации. М.: Наука, 2003. С. 117-124.

⁹ Об этом периоде см. воспоминания 1950-х гг. Н. Гончаровой: *Гончарова Н. С.* Воспоминания о В. Ф. Нижинском и С. П. Дягилеве // Н. Гончарова, М. Ларионов: Исследования и публикации. С. 110-112.

¹⁰ См.: *Ковтун Е. Ф.* Михаил Ларионов. 1881-1964. СПб.: Аврора, 1998. С. 131-140.

ского балета”, которая открылась 7 апреля, за несколько дней до начала гастролей. Дягилев, который всегда тщательно режиссировал каждое событие, устроил выставку, чтобы представить Стравинского и привезенные балеты. На выставке Мясин показал картины современных художников, которые приобрел для него Дягилев или по его просьбе дарили ему в 1914-1917 годы приятели-художники. Кроме русских художников, связанных с ним (Бакст, Ларионов и Гончарова), там были выставлены итальянцы Деперо, Балла, Карра, де Кирико и Северини, несколько испанских и французских мастеров (Пикассо, Хуан Грис, Фернан Леже, Брак, Дерен).¹¹ На приеме прозвучал симфонический отрывок из балета “Петрушка”, поэма “Фейерверк” и апофеоз из балета “Жар-птица” Стравинского, который лично дирижировал оркестром.¹²

Гончарова выставила три картины: “Испанку” (1916), “Бегство в Египет” (1915) и “Марию Магдалену” (1915) – итог поисков последних лет, толчок которому дала поездка в Испанию с “Русским балетом”. Костюмы испанок так поразили художницу своей красотой, что на ее полотнах тех лет начали появляться женские фигуры, написанные в сдержанной цветовой гамме (черный, серый, темно и светло-коричневый), с жесткими линиями, типичными для позднего кубизма. О том, какие работы выставил Ларионов, сведений не сохранилось, однако, поскольку ему нравились “Радужные взаимопроникновения” Баллы (1912-1914), можно предположить, что художник представил некоторые “лучистские” картины, похожие на акварель “До некоторой степени пейзаж”, который в дни выставки он нарисовал на пригласительном билете на прием в Гранд Отель специально для Ольги Синьорелли.¹³

Ольга Синьорелли пишет в своих мемуарах, что ее познакомили с Гончаровой и Ларионовым парижские друзья и что они в свою очередь познакомили ее с Дягилевым.¹⁴ Даже если подробности их встречи не полностью документированы, сама переписка показывает, что во время своего пребывания в Риме Ларионов и Гончарова близко сошлись с Ольгой Синьорелли и ее семьей. Доктор Синьорелли во время своих военных отпусков лечил Ларионова от последствий нефрита, и заслу-

¹¹ *Pancotto P. P.* Artiste a Roma nella prima metà del Novecento. Roma: Palombi ed., 2006. P. 80; *Gigli E.* La mostra della collezione Massine // *Giochi di luce e forme strane di Giacomo Balla.* Roma: De Luca Editori d'Arte, 2002.

¹² L'idea Nazionale. 1917. 10 aprile. P. 2.

¹³ См. илл. 6. О римских выставках 1917 г. см.: *д'Амелия А.* Русские художники в Риме в начале XX века: от Международной выставки до авангарда // “Персонажи в поисках автора”: Жизнь русских в Италии XX века. М.: Русский путь, 2011. С. 13-46.

¹⁴ Об этом см. воспоминания О. Синьорелли: *Signorelli. O.* Diaghilev a Roma // *La Fiera Letteraria.* 9 aprile 1972. P. 27; *Signorelli. O.* Memorie inedite // ARI, VI. T. II. P. 259.

жил таким образом его глубокую благодарность. Художники и супруги Синьорелли испытывали не только взаимную симпатию, но и общий интерес к современному искусству. Ларионов, не владея итальянским языком, писал доктору Синьорелли “письма в живописи”, и даже возник совместный проект организовать керамическую мастерскую (илл. 8, 9); оба художника следили за занятиями рисованием старшей дочери Синьорелли, Марии.

Ларионов и Гончарова были частыми гостями в доме Синьорелли, где встречались с виднейшими деятелями итальянской культуры и искусства;¹⁵ впоследствии имени художника Армандо Спадини, композитора Альфредо Казелла, писателя Джованни Папини и др. часто упоминаются в их письмах уже из Франции. Среди знакомств, завязавшихся в доме Синьорелли, была и Элеонора Дузе, к которой у художников возникла особая симпатия;¹⁶ из переписки мы узнаем о том, что сделанный Дузе заказ эскиза костюмов (со всеми подробностями о цвете платьев и форме головного убора) для роли Эллиды в пьесе Ибсена “Женщина с моря”, был послан Гончаровой именно через О. Синьорелли.¹⁷

Amie et soeur d'art – Je demande votre aide. Lisez Ibsen, relisez “La dame de la mer”, le rôle: *Ellida*. Je vous demande de me composer *deux robes – conformes au rôle*. Le rôle d'Ellide – est – *rêve* et *réalité*. La pièce est dans *nos jours*, mais même restant dans la *réalité* des robes de notre époque il faut créer la *personnalité*. – *Harmonie et réalité* – *rêve* – et *vérité* – et “La Mer” – comme recherche de notre âme égarée d'Ellide.

Notre fidèle amie Olga vous écrit pour moi tous les détails.

Ellide est une âme *loyale, forte, sincère*. – *Rien* de la malade en elle, – mais une forte volonté qui *se retrouve*.

Moi – *je crois – en vous...*

P. S. Coiffure pour la tête, – une espèce de calotte – *quelque chose – d'argentée* cuffia? bonnet? coiffure? (pour cacher une chevelure d'argent). Pour les deux robes il

¹⁵ Более подробно о пребывании Ларионова и Гончаровой в Риме см. в воспоминаниях Марии Синьорелли (*Signorelli M. Quell'inverno del 1916 // La strenna dei romani. 1988. P. 543-558*; и в статьях *Rizzi D. Olga Signorelli nella storia culturale italiana della prima metà del Novecento // ARI, VI. P. 57-62*; *Rizzi D. Djagilev, i russi e l'Italia // Omaggio a Sergej Djagilev. I Ballets Russes cent'anni dopo (1909-1929). P. 55-76. О сотрудничестве Н. С. Гончаровой и М. Ф. Ларионова с итальянскими художниками и книгоиздательствами см. илл. 10, 11, 12, 13.*

¹⁶ Из переписки явствует, что художница и великая итальянская актриса познакомилась именно в доме Синьорелли во время ее пребывания в Риме зимой 1917 г., а не, как предполагают некоторые исследователи, в Париже или в Венеции в 1920 г.

¹⁷ См. письмо № 8 наст. публикации. Марина Цветаева вспоминает об этих эскизах костюмов к постановке Ибсена, которые она видела в 1929 г., когда была в мастерской Гончаровой, на улице Висконти (см.: *Цветаева М. Наталия Гончарова // Избранная проза в двух томах. New York 1979. С. 338*).

faut complètement harmoniser la robe avec la coiffure. Je ne veux pas mettre une perruque – et il faut trouver quelque chose (*“La mer”* a des créatures argentées).¹⁸

После переезда художников во Францию, несмотря на большие интервалы в эпистолярном обмене, отношения между ними и Синьорелли остались очень дружественными; Ларионов и Гончарова сообщают Синьорелли о том, как постепенно устраивается их художественная жизнь и деятельность в Париже и справляются о ее домочадцах и общих знакомых. Судя по содержанию более поздних писем, можно предположить, что связь не прерывалась и в те периоды, за которые корреспонденция отсутствует; она устанавливалась через общих друзей, которые передавали книги и альбомы; художники встречались с Ольгой Синьорелли также в Париже на выставках ее дочери Марии. Страстное желание еще и еще раз побывать в Италии, что нашло отражение в настоящих письмах, так и не осуществилось: Ларионов и Гончарова в Италию больше никогда не приезжали.¹⁹

¹⁸ “Друг и сестра по искусству. – Я прошу Вашей помощи. Читайте Ибсена, перечтите “Женщину с моря”, роль *Эллиды*. Я Вас прошу придумать для меня *два платья*, которые бы *соответствовали этой роли*. Роль *Эллиды* – сон и реальность. Действие пьесы происходит в *наши дни*, но даже оставаясь в *реальности* костюмов нашей эпохи, надо сотворить *индивидуальность*. *Гармония и реальность* – сон и правда – и “Море” как поиски нашей заблудшей души *Эллиды*. Наша верная подруга Ольга пропишет Вам за меня все детали. *Эллида* – это натура верная, сильная, искренняя. – В ней нет ничего *болезненного*, – но есть воля, *обретаемая* на наших глазах. Я – *верю* – в Вас. P.S. Головной убор – наподобие ермолки – должен быть *серебристым*. Нечто вроде скуфьи, колпака, тюрбейки (чтобы скрыть седые волосы). Оба платья должны безукоризненно сочетаться с головным убором. Я не хочу надевать парик, а что-то придумать нужно. (Из “*моря*” выходят серебристые создания)”. Текст письма Дузе к Гончаровой приведен без даты в монографии Синьорелли: *Signorelli O. Eleonora Duse. Roma 1955. P. 355-356*. Подлинник этого письма нами не обнаружен; черновик хранится в архиве Дузе в Фонде Чини. В отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи имеется также ряд материалов, освещающих этот эпизод совместной работы: в основном телеграммы Дузе к Гончаровой с 28 февраля по 7 апреля 1921 г., позволяющие проследить за сложностями, связанными с реализацией костюмов (выбор ткани, проблемы с костюмершей и т. д.). Все это привело к переносу премьеры пьесы, которая состоялась в Турине, в театре Бальбо 5 мая 1921 г. Из переписки, хранящейся в ОР ГТГ, явствует, что Гончарова послала Дузе эскизы, а также образец серебристой материи для головного убора. В телеграмме от 7 апреля 1921 г. Дузе благодарит Гончарову за присланный “эскиз” (“*echantillon*”) и пишет: “...robes sur votre dessin exacte comme couleur seule modification la coupe des robes” <платья по вашим рисункам точны по цвету, единственного изменения требует покрой > (ОР ГТГ, ф. 180, ед. хр. 1063; здесь и далее в примечаниях переводы корреспонденции Дузе с французского сделаны Л. Г. Семеновй).

¹⁹ При жизни они участвовали в венецианской Биеннале 1920 г., в римской Биеннале осенью 1922 г., и в галерее Шварц (Schwartz) в Милане в феврале 1961 г. Текст в каталоге миланской выставки написал Michel Seuphor.

Сохранившаяся переписка относится к двум периодам, довольно далеким друг от друга: 1917-1921 гг. и 1949-1957 гг. Первое письмо от Ларионова является своеобразным примером живописи в прозе, которая, по его словам, напоминает его импрессионистский период.

Кроме писем Н. С. Гончаровой и М. Ф. Ларионова, хранящихся в FSFC, здесь впервые воспроизводятся письма О. Синьорелли к Гончаровой. Этот новый материал, хранящийся в ОР ГТГ (ф. 180, ед. хр. 1693-1700), существенно дополняет картину взаимоотношений с Синьорелли, и содержит неизвестную информацию о связях Н. С. Гончаровой с Элеонорой Дузе.

Публикация состоит из 17 писем (4 принадлежат Ларионову, 5 Гончаровой, 4 обоим художникам и 4 письма Синьорелли к Гончаровой). Из них были опубликованы письма № 1, 4, 5, 6, 9 (*Гаретто Э. Письма Н. С. Гончаровой и М. Ф. Ларионова к Ольге Ресневич Синьорелли // Минувшее. 1988. Вып. 5*).

В приложении публикуется откомментированное Р. Вассеной письмо Сергея Леонидовича Григорьева, с которым в 1954 году Ольга Синьорелли возобновила контакты, задумав перевести его книгу о балете (FSFC, папка "Grigoriev").

1

М. Ф. Ларионов – О. Синьорелли

<октябрь 1916 – апрель 1917, Рим>¹

Дорогой друг,

Когда я возвращался домой после работы в своей декоративной студии,² я думал о Вас, и у меня были в голове те строки, которые Вы прочтете сейчас. Пожалуйста, вникните в них, так как у них немного странный слог.

Когда солнце падает
и высокий загибается рог – на крышах домов
абрикосовые деревья сквозят листьями
в небе и яркие плоды как звезды.
Вечерняя пыль сметает след
горизонта. Проходящие женщины
с ведрами воды кажутся кусками
то только туловища, то только
ног. Дрожащая вода в реке
точно бесконечная газета и...
ряд событий до того стремителен,
что ничего нельзя разобрать...
Это так же как жизнь... Холодные
облака и сухой воздух... Острые
движения стрижей над водой и
падающие звуки... Весь этот
блеск исчезающих воспоминаний летнего вечера.

Это ощущения ранней молодости, когда я был импрессионистом и любил безумно Верлена.

Ваш Ларионов

¹ Письмо написано на гостиничном бланке “Hôtels Reunis, Minerve-Cavour-France”. Ларионов и Гончарова жили в гостинице Minerva.

² Студия находилась на улице Principessa Clotilde. Здесь Ларионов рисовал декорации для “Русских сказок”.

Фотография Н. С. Гончаровой с дарственной надписью О. Синьорелли.
Рим. 27 апреля 1917 г.

М. Ф. Ларионов. Рим. 1916-1917 гг.

2

Н. С. Гончарова – О. Синьорелли

< 7 июня 1917, Париж >¹

Дорогая Ольга Ивановна!

все это время ни я, ни Михаил Федорович не писали Вам, только, пожалуйста, не думайте, что мы не думали о Вас. Мы всегда помним Вас и доктора и очень любим Вас обоих, и очень помним художника, кот<орого> с таким жаром собирал Михаил Федорович и рассудительную Елену, которая так хорошо объясняет рисунки, и маленькую Веру.²

Как Вы живете? Вероятно все так же геройски работаете оба.³ Приезжает ли доктор в отпуск? Я не могу Вам сказать, как я благодарна Вам за то, что Вы меня поставили на ноги после противного аппендицита, и что дело обошлось без операции.

Как Вы проводите лето?

А у нас все еще не решено, где будет производиться работа и, следовательно, как устроим лето. А пока мы все в Париже в самом центре (адрес: Hôtel Castille, rue Cambon). Впрочем, для писем этот адрес остается, если бы мы даже уехали куда-нибудь.

Что делается в Риме? Что делает Спадини,⁴ Балла,⁵ Рикарди,⁶ Папини, Маринетти,⁷ горячий Серб⁸? Да, кстати, мы здесь случайно встретились с компанией сербов студентов. Разговорились и к нашему удовольствию узнали, что знают Вас и доктора и относятся к Вам обоим с большой симпатией.

Видаете ли Вы Дузе? – она одна из моих прекрасных воспоминаний. Я бы хотела послать ей, как обещала, свою карточку, но только не хочется посылать из тех, на кот<орых> я так некрасива. Да, насчет карточки, за Вами и доктором есть долг. Не скрою, что мне было бы приятно иметь возможности вас обоих видеть: очень прошу этого не забывать.

Целую Вас крепко, и прошу передать мой искренний привет доктору и поцеловать от меня девочек.

Ваша Н. Гончарова

¹ На бланке Hôtel Castille, 37 rue Cambon, Paris. Год установлен по почтовому штемпелю

² Имеются ввиду дочери Синьорелли: Мария – упоминается здесь как “художник”.

³ Все военные годы Ольга работала в римской больнице, а ее муж находился во фронтовой зоне в северо-восточной части Италии.

⁴ Армандо Спадини (Armando Spadini, 1883-1925), художник, вдохновленный живописной поэтикой импрессионизма. Его кисти принадлежат несколько портретов Ольги Синьорелли и ее дочерей.

⁵ Джакомо Балла (Giacomo Balla, 1871-1958) – один из основоположников итальянского футуризма, автор вместе с Ф. Деперо манифеста 1915 г. “О футуристической реконструкции Вселенной”, в котором выражается воля вовлечь всю вселенную в футуристическое преобразование – начиная с архитектуры и включая литературу, живопись, скульптуру, театр, сценографию, фотографию и т. д. О футуристической реконструкции Вселенной см.: *Crispolti E. Ricostruzione futurista dell'universo*. Torino, Mole Antonelliana, 1980; *Casa Balla e il futurismo a Roma / A cura di E. Crispolti*. Roma: Istituto Poligrafico dello Stato, 1989. В 1929 г. Балла подписал манифест группы “Аэропиттура”, провозгласивший наступление нового этапа футуризма. К концу 1930-х гг. отошел от авангарда, обратившись к традиционной фигуративной живописи

⁶ Возможно, имеется в виду Акилле Риччарди (Achille Ricciardi, 1884-1923) – крупный деятель итальянского театрального авангарда. Инициатор экспериментального “цветного театра”, автор трактата “Il teatro del colore” (Milano 1919).

⁷ Писатели Джованни Папини и Филиппо Маринетти входили в те годы в круг друзей супругов Синьорелли и были частыми посетителями их дома.

⁸ “Сербом” именуется Владимир Черина (Vladimir Čerina, 1891-1932), писатель родом из Далмации, публицист, друг и соотечественник скульптора Ивана Местровича, который познакомил его с супругами Синьорелли и с Папини. Черина уже в те годы был психически больным и с 1922 г. находился в психиатрической больнице города Шибеник. В переписке он упоминается как “серб”, так как во время Первой мировой войны Сербия выступала на стороне стран Антанты и стала объединяющим элементом южных славян (сербов, хорватов и словенцев).

3

О. Синьорелли – Н. С. Гончаровой

23. VI.<1>917, Olevano Romano

Дорогая, милая Наталья Сергеевна,

пишу Вам из Olevano, маленького горного местечка в трех часах от Рима, где я провела с детьми неделю. Здесь я и получила Ваше письмо, которому очень обрадовалась, и, представьте, что как раз в эту ночь мне приснилось, что я получила от Вас письмо.

Я часто думаю о Вас и о Мих<аиле> Федор<овиче> и очень скучаю по вам. Надеюсь, что как-нибудь увидимся в жизни и что проведем вместе еще несколько таких хороших минут, как в эту зиму. Муж все на войне – и я его ожидаю завтра или послезавтра на несколько дней, и надеюсь, что поедем куда-нибудь на море, так как он тоже столько настрадался за все это время.

Н. Гончарова, Жан Кокто, М. Ларионов и П. Пикассо. Рим. 1917 г.

Н. С. Гончарова, Ф. Т. Маринетти, М. Ф. Ларионов и П. Пикассо.
Рим. 1917 г.

В больнице война чувствуется больше, чем где бы то ни было – даже больше в известном отношении, чем на самом поле битвы. Дети хорошо: Мария все пишет и пошлю вам несколько ее рисунков, вместе, по крайней мере, с моей фотографической карточкой из Рима.

Сделали блюда¹ – но неважно – и теперь делают их в другом месте, и надеюсь лучше.

Спадини кончил портрет Примоли² и тот остался им очень доволен и заплатил двойную цену. Сделал тоже одной даме портрет.³ Таким образом обеспечен материально на некоторое время и работает для себя – и очень хорошо.

Риккарди – то же самое положение ужасное. Папини уехал и, кажется, работает яростно – пишет. Серб стал его самым ужасным врагом – точь в точь как предвидел Михаил Федорович.

Пришлите Вашу карточку для Дузе – она будет очень-очень рада. И пишите мне скоро, и всегда в Рим. Всего, всего наилучшего вам обоим.

Сердечно Ваша Ольга Ресневич Signorelli

¹ См. предисловие и следующее письмо.

² Граф Джузеппе Примоли (Giuseppe Primoli, 1851-1927), потомок Бонапарта, сын графа Пьетро Примоли и княгини Карлотты Бонапарт, коллекционер, подарил Риму свое обширное собрание произведений искусства, семейные мемуары и выделил помещения на первом этаже своего дворца (Музей Наполеона), где хранится одна картина Спадини. См. очерк воспоминаний Ольги Синьорелли “Un ritratto di Primoli”: ARI, VI. Т. II. P. 285-287.

³ Вероятно, речь идет о картине Спадини “Ritratto della signora Teresa Mauri Nunes” (Roma, Galleria Nazionale d’Arte moderna e contemporanea).

4

М. Ф. Ларионов – О. Синьорелли

26 Avril 1918
Paris, Hôtel de Castille
Rue Cambon, 37¹

Милая Ольга Ивановна!

Давно я Вам не писал – очень извиняюсь. Но зато я Вас всегда помнил – Вас и доктора Синьорелли. Как я Вам говорил, так это и осталось, т.е. Вы и Ваш муж мои самые прекрасные воспоминания после Рима. Вообще я очень редко пишу, а теперь еще наша выставка² отняла у нас целых полтора месяца – поэтому я не сразу Вам ответил на Ваше письмо, которое передал Казелла³ – впрочем, он передал его нам уже перед самым своим отъездом. Наша поездка в Рим, к сожалению, не

состоялась – а мы уже мечтали с Нат<алией> Сергеевной увидеться с Вами и доктором. Но теперь не все так удобно устраивается, как рассчитываешь. Так и это наше намерение не осуществилось. Видел Вашу фотографию с детьми. Это так снято, точно это картина Спадини. Она вся светлая и свежая. Я с большим сожалением теперь вспоминаю, это очень жаль, что мне так и не пришлось увидеть итальянскую провинцию.⁴ Помните, мы с Вами все собирались поехать куда-нибудь в провинцию на день-два. Теперь в Париже весна. Я думаю, что у Вас она давно – и в Риме, пожалуй, сейчас даже жарко. В Риме ли сейчас доктор? Как здоровье Дузе?⁵ Для меня было совсем не удивительно, что Серб поссорился с Папини,⁶ уж очень они разные. Хотя, быть может, они уже помирились? Это тоже по моим предположениям возможно. Что делают футуристы? Как Папини, Спадини? В Вашем письме Вы об этом мало писали. Вот уже год, как мы уехали из Рима, мне кажется, за это время многое изменилось. Мы сейчас живем более сильным темпом, чем до войны, и год теперь очень много времени. Нас в Париже бомбардировали много раз, что Вы, наверное, знаете из газет. Но мы на это никакого внимания не обращаем, и я даже под звуки пушки (этой большой, что стреляет на 100 верст) открыл выставку, и вернисаж был многолюдный и оживленный (посылаю Вам первую критику), несмотря на то, что почти пол-Парижа уехало. Мы всю зиму проработали и устроенная нами выставка Современного театрального искусства даже с нашей точки зрения кое-что, в особенности в такое трудное время. Посылаю Вам также афишу и каталог.⁷ Афиша каждая разная, т. е. каждая по-разному крашена, и красили мы их сами и те, которые я послал друзьям, подписаны. На лето я и Нат<алия> Сергеевна уедем в провинцию.⁸ Я буду заниматься сельским хозяйством. Сейчас, когда из России трудно получать деньги, живописью не проживешь, да и отдохнуть хочется. Французская провинция меня тоже очень интересует, да и живописью можно будет заняться более свободно. До 15-го мая мы, во всяком случае, в Париже пробудем. И адрес все там же: Hôtel de Castille, rue Cambon, 31. Напишите, пожалуйста, несколько слов о Вас и Вашей жизни. Нат<алия> Сергеевна все думает о керамике и сделала несколько проектов, но Вы ей писали, что первые пробы с блюдами вышли, кажется, не совсем удачно, но я думаю, дальше может пойти лучше и если не сейчас, то через год Нат<алия> Серг<еевна> думает прислать Вам еще рисунки для керамики. Нат<алия> Серг<еевна> будет Вам писать отдельно. Пока целую Вашу руку, будьте здоровы, передайте поклон доктору. Как рисунки Марии и что делает Елена?

Всего хорошего.

Ваш М. Ларионов.

Фотография М. Ф. Ларионова. 1917 г. Архив Синьорелли

¹ Написано на бланке парижской галереи Sauvage. Название и адрес галереи (370, Rue Saint-Honogé) зачеркнуты.

² Имеется в виду выставка “Art décoratif théâtral moderne”, проходившая в Париже с 16 апреля до 7 мая 1918 г. в галерее Sauvage.

³ Альфредо Казелла (Alfredo Casella, 1883-1947) – композитор, пианист, дирижер. После окончания парижской консерватории, где и познакомился с виднейшими французскими композиторами, такими, как Форе, Равель и Дебюсси, сохранил прочные связи с Францией. В своих мемуарах “I segreti della giara” (Milano 1942) он описывает музыкальные и интеллектуальные круги французской столицы, в которые он был вхож. В 1917 г. жил в основном в Италии, где вместе с О. Респиги, И. Пизцетти и Ф. Малипiero, активно участвовал в модернизации итальянской музыки. В архиве Синьорелли хранится 19 писем композитора (ARI, VI. T. I. P. 27).

⁴ Уезжая из Рима 4 апреля 1917 г., художники посетили Флоренцию, Венецию и Турин (Natalija Goncarova - Michail Larionov. Catalogo. P. 163).

⁵ В 1910-е гг. Дузе переживала тяжелый жизненный и творческий кризис, часто болела и нигде не выступала, только снялась в фильме “Пепел” (1916).

⁶ Как явствует из переписки Папини с Ольгой Синьорелли, у Черины возникали уже явные признаки психического расстройства.

⁷ Речь идет о Выставке современного театрального искусства в галерее Sauvage в 1918 г. Ни афиш, ни каталога, ни “первой критики” нами в архиве не обнаружено.

⁸ По разным источникам художники жили в имении “les Pivotins” в местечке Vielmaury, в Бургундии у графа Игнатьева (см. *Loguine T. La vie à Paris // Gontcharova et Larionov. Cinquante ans à Saint Germain-de-Près. P. 53; Larionov M. Une avant-garde explosive. Lausanne: L'Age d'homme, 1978. P. 164).*

5

Н. С. Гончарова – О. Синьорелли

<осень 1918, Париж>¹

Милая, дорогая Ольга Ивановна.

Как Вы живете? Что делаете? Мы о Вас и о докторе часто вспоминаем и очень любим Вас обоих. Все лето надеялась, что удастся увидеться с Вами – поехать в Рим, но так и не пришлось, и просидела все лето в Париже. Но все же возможно, что на зиму поедем в Рим, и это меня очень радует. Опять будем видеться как в прошлом году, только, Бог даст, доктор будет работать в Риме. Быть может, удастся немного поездить вместе по Италии, которую мне бы хотелось больше знать. Если приеду, теперь непременно буду брать уроки итальянского языка – такая бессмыслица жить в стране и не знать ее языка, а объясняться на международном французском. Вообще планов, конечно, много. Помнит ли доктор один из них, кот<орый> меня очень интересовал – это устройство керамической мастерской? Вы писали, что блюда не удались. В чем и как? Не удалась ли форма или цвет, или рисунок? Отдадите ли их переделывать? Если у Вас будут фотографии с них, пришлите, если Вас не затруднит, – все равно, хотя самые маленькие. Мне интересно видеть, что передается и что не передается в керамике из акварели.²

Как Мариина работа? – вероятно летние впечатления выливаются в массу картин, и Елена их великолепно демонстрирует – “это Мария, это дом, это Пипетто,³ это Вера, это я, это мама, это папа, это Вера, это Пипетто”. Очень было хорошо прошлую зиму. Бог даст, будет опять время, когда можно будет из Москвы ездить в Рим в три-четыре дня, чтобы повидать своих друзей, хоть на короткий срок, и обратно. Каким легким и быстрым покажется такое путешествие, и как часто его можно будет делать.

Как здоровье Дузе? Передайте ей мой привет. Я ее люблю, точно я ее давно знаю – да и на самом деле я ее знаю с Москвы,⁴ хотя тогда и не была знакома с ней, и если я тогда еще не знала, какой она милый, простой человек, то все же знала и видела, какая она великая артистка.

Видаете ли Вы наших общих римских друзей: Баллу, Спадини, Рикарди, Прюнье,⁵ а также и злого Папини, всем им передайте мой привет, а также и от Михаила Федоровича. Казелла сейчас здесь.

Целую Вас крепко-крепко и посылаю мой сердечный привет милому доктору. Михаил Федорович вам обоим кланяется и напишет особо.

Наталья Гончарова

¹ Датируется по содержанию. При публикации в альманахе “Минувшее” письмо ошибочно датировано 26 апреля 1918 г.

² Проект совместных с Марией Синьорелли керамических изделий не осуществился из-за военных условий. Сохранились некоторые акварели, вставленные в рамки по указаниям Ларионова. Фотографии керамических блюд Н. Гончаровой см. в: ARI, VI. Т. I.

³ Кошка Синьорелли.

⁴ Дузе гастролировала в России в 1891, 1896 и 1908 гг.

⁵ Анри Прюнье (Henry Prunières, 1886-1942), французский музыковед, основатель журнала “Revue musicale”.

6

М. Ф. Ларионов – О. Синьорелли

13 июня <1920>¹

43, rue de Seine, Paris (VI)

Милая Ольга Ивановна,

Давно ни я, ни Наталья Сергеевна Вам не писали. Спасибо за письмо и за великолепную куклу, которую прислала Мария. Я очень ей благодарен, так же как и за Вашу память. Хотя мы не пишем, но я и Наталья Сергеевна всегда помним Вас и доктора. Этой весной я надеялся быть в Риме и увидеть Вас.² Но так случилось, что поехать не пришлось, к большому моему огорчению. Когда Вы ходили в балет, я надеюсь, что Вы вспоминали меня и Наталию Сергеевну. Недавно были у Прюнье и видели Спадини, его последнюю вещь, пейзаж. Прюнье живет рядом с нами. Как живет Папини? Все так же сердит, как и раньше? Теперь, на расстоянии я его больше люблю. Я Вам посылаю, вместе с этим письмом, альбом³ от нас с Нат<алией> Серг<еевной>. Вам его передаст наш друг, молодой режиссер, госп<один> Кролль <так!>.⁴ Я прошу Вас принять г-на Кролля. Он – наш друг и очень интересный человек. Он Вам расскажет о нас. Кроме всего прочего, я сейчас с Нат<алией> Серг<еевной> создаю новый журнал театра, музыки и живописи. Кролль также сотрудничает в этом журнале. Журнал называется “Параллели” (Les Parallels).⁵ Пожалуйста, познакомьте Кролля с римскими артистами. Где сейчас Дузе? Я очень хотел бы ее видеть, и у меня есть

идея, снова, быть может, ненадолго, но увидеть ее на сцене. Я Вам буду писать подробно еще об этом. Скажите только, как она себя чувствует, как ее здоровье. Вы и доктор наверное здоровы, а дети выросли сейчас так, что я бы с трудом их узнал. Я и Нат<алия> Серг<еевна> посылаем Вам наши карточки, которые немного лучше тех, которые я оставил, уезжая в последний день из Рима. Спасибо Вам за Вашу карточку. Я на нее часто смотрю. Гончарова также просит передать карточку Дузе, которую она ей обещала, а также попросите, чтобы Дузе дала свою, и пришлите ее нам. Если можно, через Кролля, если он поедет обратно через Рим; если же нет, то по почте. И напишите нам, не ожидая okazji, прямо по почте. Мы очень будем рады получить от Вас весточку. Что делается в художественном отношении в Риме? Быть может, я сам скоро приеду в Рим, но на это трудно надеяться. Мы сейчас устроились в Париже более прочно, чем раньше. Взяли квартиру. До настоящего времени все ездили по свету, и нигде больше году не жили, очень все это утомляет и надоедает, нужно было на лето поехать в Лондон и не поехали – мне было лень покинуть место. Вот до чего надоедают путешествия. Спешу окончить письмо, потому что нужно его еще отвезти Кроллю. Он уезжает сегодня вечером. Крепко целую Вашу руку, горячий привет доктору и детям.

Искренне Ваш

М. Ларионов

¹ Датируется по содержанию.

² Ларионов имеет в виду гастроли дягилевского балета в Риме (Театр Костанци, февраль-март 1920 г.). Во время этих гастролей исполнялся также балет “Русские сказки” с декорациями Ларионова и костюмами Ларионова и Гончаровой.

³ Альбом “L’art decoratif théâtral moderne” с рисунками художников с дарственной надписью “Дорогой Ольге Ивановне, на добрую память от нас обоих. М. Ларионов, Н. Гончарова”. Надпись датирована 13 июня 1920 г.

⁴ Георгий Кроль (1899-1938); режиссер и театровед. См. публикацию его писем к О. Синьорелли в наст. томе. Об отношениях между Г. Кролем и Н. Гончаровой см. в статье Д. Золотницкого “Николай Гумилев и театр марионеток”: “Вскоре после гибели поэта <Гумилева> пьеса ‘Дитя Аллаха’ вышла отдельной книжкой в Берлине, и тут же, в 1922 году, ее захотел поставить находившийся там тогда режиссер Георгий Кроль. И опять речь шла об игре ‘кукол живых’, а не ‘деревянных’, с декорациями Натальи Гончаровой, которой Гумилев посвящал стихи. Спектакль был благотворительный – он предназначался в пользу берлинского союза русских студентов” (Петербургский театральный журнал. 2004. № 36).

⁵ Об этом журнале сведений не сохранилось.

7

Н. С. Гончарова – О. Синьорелли

<13 июнь 1920, Париж>¹

Милая Ольга Ивановна,

это письмо Вам передаст Георгий Александрович Кроль. Он петербургский и московский режиссер (*metteur en scène*).² Я думаю, что Вам будет интересно с ним познакомиться как и за его собственные качества, так и потому что русский театр последние годы стоял на очень высокой ступени.

Спасибо за память и за Ваше милое письмо, переданное мне М.ле Фарг и за куклу, кот<орую> я отобрала у Мих<аила> Фед<оровича>, и кот<орая> сидит у меня на печке и смотрит и сейчас на меня.

Пришлите как-нибудь, хотя бы с Кролем, рисунки Марии; мне очень хочется видеть, что она теперь делает. Работает ли она одна или с кем-нибудь и как? Я ее помню как будто вчера только ее видела, но воображаю, как она выросла, вероятно, стала совсем большая барышня. Мы часто Вас вспоминаем и доктора, и как он меня хорошо вылечил и притом без операции.

В Париже из наших общих римских друзей я выдаю M.me Casella,³ Mг. Runière, кот<орый> был у нас сегодня и дал адрес Tomasini⁴ – вот еще будут свежие новости о Вас. Пишите мне, пишите побольше о себе, о докторе, о детях, о худож<ественной> жизни в Риме.

Желаю Вам всего-всего хорошего и крепко целую.

Ваша Наталья Гончарова

P.S. Милая Ольга Ивановна, еще раз благодарю вас за фотографию и посылаю Вам свою. А также посылаю свою фотографию для Dousé <так!>, кот<орую> очень люблю. Я очень хотела бы иметь ее фотографию.

¹ Датировано по содержанию. См. предыдущее письмо.

² Постановщик (*фр.*)

³ Yvonne Müller (1882-1977), вторая жена композитора Казелла; ее 15 писем хранятся в фонде Синьорелли (ARI, VI. T. 1. P. 28)

⁴ Среди корреспондентов Синьорелли фигурирует Уго Томмазини (детский писатель, антропософ и переводчик Штейнера), но нет уверенности, что речь идет именно о нем.

О. Синьорелли – Н. С. Гончаровой

Roma 2. II. 1921
via XX Settembre 68

Дорогая Наталья Сергеевна,

Дузе имеет желание вернуться на сцену: идут переговоры на “Женщина от моря” Ибсена.¹ Она очень просит Вас набросить ей два костюма для этой пьесы: один светлый для утра (каким бывает море по утрам, что-нибудь в тонах вроде “*sipario Albeniza*”,² голубое с черным шалем и синее (*sombre*)³ с фиолетовым шалем для вечера. Ей нравится фиолетовый цвет вроде прилож<енного> кусочка бархата, она говорит, что это делает фигуру тоньше (она теперь немножко полна, но не очень). На голове “*coiffure*” что-нибудь серебристое, напоминающее пену и отблески моря, вокруг шеи что-нибудь вроде пены морской...

Но Вы сами это поймете лучше меня. Она говорит, что пьеса происходит в наши дни, Эллида – это женщина современная, оригинальная, но не эксцентричная, и не болезненная, но простая, гармоничная... Она говорит: “что-нибудь простое, простое, вечное, что-нибудь более близкое к Леонардо да Винчи, чем к Пикассо... потому что я итальянка, венецианка”... Она думает, что платье должно быть не очень длинное: едва до ног (что делает фигуру моложе) и может быть лиловые туфли или как хотите Вы.⁴

Ей эти костюмы очень-очень спешно нужны. Нарисуйте их сейчас же и пришлите *per espresso* и напишите пер <так!> *espresso* сейчас же, как только получите это письмо. Вместе с рисунками напишите тоже сколько она Вам должна за рисунки и во сколько обойдется исполнение костюмов под Вашим надзором в Париже.

Сердечный привет Мих<аилу> Фед<оровичу> от нас всех, крепко Вас обнимаю и целую.

Ваша Ольга Ресневич Синьорелли

¹ В 1909 г. Дузе уже исполняла роль Эллиды в Берлине и выбрала ее для возвращения на сцену вместе с труппой Эрмете Цаккони.

² Занавес Альбениса (*ut.*). Речь идет о занавесе, который был выполнен по эскизам Гончаровой в Испании при оформлении балета “Триана” на музыку И. Альбениса (1916). В дальнейшем Дузе раздумала использовать «испанские» тона занавеса (см. ниже, примеч. 4).

³ Темное (*фр.*)

⁴ В биографии Дузе Синьорелли приводит тексты двух писем Дузе к Гончаровой (*Signorelli O. Eleonora Duse. Roma 1955. P. 355-357*):

“Ibsen – Ibsen – Ibsen / pièce : *Dame de la mer* / rôle : *Ellida*

La liberté de l'âme – *réalité* et rêve, *unité et harmonie* – rien de maladif en Ellida – au contraire, une *forte personnalité*.

Elle ne peut pas *unir* le passé au présent – voilà le conflit. – Elle gagne *la liberté* de l'âme. – Elle croit à sa parole. – Elle regrette *la mer*. – Elle est *composée* des éléments de la mer. – *Logique* et tout – *et poésie* – *unité et harmonie*.

Deux robes qui rappellent la mer. Equilibre! Harmonie! La mer avec ses couleurs et ses reflets bleu foncé – violet violet violet *sombre* – “*reflet d'écume*”. Quelque chose de blanc – par ci par là – et *collier* de perles marines une des robes.

I. er acte – (*dans le soleil*): robe très claire – comme *la mer* au matin – peut-être – un grand parasol argenté à l'entrée sous le soleil – *robe claire, avec un châle, un grand châle* – qui peut la couvrir toute, et cacher la lumière – et rendre la robe triste.

II acte (*clair de lune*): la même robe du Ier acte.

III et IV – robe *sombre* – mais très douce – bleu foncé – violet – comme la mer la nuit – toujours un châle – *très souple*, peut-être en planche, étoffe molle, pour se cacher dedans.

Ce châle est très important – sur la robe claire – et – sur la robe sombre. *Châle* – *très important* – très souple à manier, et – *à se couvrir* – *une très douce couleur* – et une étoffe très souple. *Peut-être* – un châle noir ou violet? sur l'azur de la mer? *une note noire?* je ne sais pas...”.

<“Ибсен – Ибсен – Ибсен / драма: “Женщина с моря” (“Дочь моря”) / роль: Эллида
Свобода души – *реальность* и сон, *единство и гармония* – *ничего* болезненного в Эл-
лиде – напротив, *сильная личность*.

Она не может *соединить* прошлое с настоящим – в этом конфликт. – Она достигает *свободы* души. – Она верит в свое слово. – Она сожалеет *о море*. – Она *создана* из морской стихии. – *Логика* и все остальное – *и поэзия* – *единство и гармония*.

Два платья, напоминающих море. Равновесие! Гармония! Море с его темно-синим цветом и его рефлексами – лиловыми и *темно-лиловыми* – “отражение пены”. Вкрапления белого – там и тут – и *ожерелье* из морского жемчуга для одного из платьев.

Акт первый – (*на солнце*): очень светлое платье – как *море* на рассвете – и может быть – большой серебристый зонтик при входе на солнечную сторону – *платье светлое и шаль, широкая шаль* – в которую можно завернуться целиком и спрятаться от света – и тем самым сделать платье печальным.

Акт второй (*в лунном сиянии*): то же платье, что и в первом акте.

Для третьего и четвертого акта – *темное* платье – но очень нежное – темно-синее – лиловое – как ночное море – и опять-таки шаль – *очень мягкая*, возможно, в узорах, из мягкой ткани, в которую можно закутаться.

Эта шаль очень важна – и для светлого платья – и – для темного. *Шаль* – *очень важна* – очень мягкая на ощупь и – *в которую можно завернуться* – *очень нежного цвета* – и из очень мягкой ткани. – *Может быть* – черная или лиловая? на морской лазури черная *нотка?* Я не знаю...”>.

Синьорелли пишет, что Дузе отправила ей эти два письма с запиской: “Cara, prego, raccomandate alla Gonciaròva di non fare “*figurino*” che rasenti le linee (*sorpassate*) del *sipario* Albeniz (quello che mi mostraste ieri sera), ma si attenga a delle *linee eterne*, come l'umanità. *Dicevate Leonardo?* Precisamente: *armonia* fra l'eterna realtà e l'eterna poesia. Senza quella *armonia*, non vi è salvezza d'arte. Scrivete – spedite – urlate. Chi aspetta muore... Eleonora” <Дорогая, прошу Вас, посоветуйте Гончаровой не делать “куколку”, граничащую с линиями (*чересчур* устаревшими) *занавеса* Альбениса (того, что мне

показывали вчера вечером), а придерживаться *вечных очертаний*, как человечество. Вы говорили Леонардо? Именно: *гармония* между вечной реальностью и вечной поэзией. Без этой *гармонии* нет спасения искусства. Пишите – отправляйте – кричите. Ожидание – смерть... Элеонора”>.

9

Н. С. Гончарова – О. Синьорелли

14 февраля <1>921 года

43, rue de Seine, Paris

Дорогая Ольга Ивановна,

Спасибо за Ваше милое письмо. Эти дни после телеграммы¹ я Вам не писала, т. к. хотела разобраться и обдумать костюмы Дузе. И так увлеклась этим делом, что почти уже закончила рисунки и могу их отправить через два-три дня.

Их, на мой взгляд, лучше сшить не в костюмерной, а в мастерской, где шьют платья, хотя это вероятно будет несколько дороже. Я думаю, что такая мастерская возьмет не менее полутора тысяч за костюм. Цены здесь на платья сейчас очень высокие, но в костюмерной сделают грубее, и главное не сумеют справиться с талью <так!>.

Конечно, я с большим удовольствием буду наблюдать за исполнением, где бы эти костюмы ни исполнялись. И конечно, ни за наблюдение, ни за рисунки я с Дузе ничего не возьму. Если они ей не будут нужны после исполнения костюмов, пусть она мне их вернет, когда костюмы будут сшиты.

Как бы мне хотелось приехать в Италию на первое представление и повидать и Вас и Вашего мужа. Это трудно, но я все же немножко надеюсь.

Как Вы живете? Что рисует Мария? Мне бы очень хотелось видеть ее рисунки. Если ей не жалко, пошлите мне что-нибудь из ее работы.

Целую Вас крепко. Передайте, пожалуйста, мой сердечный привет Вашему мужу. Михаил Феодорович Вам обоим кланяется.

Ваша Наталия Гончарова

P.S. В этом письме вложено и письмо для Дузе,² передайте его, пожалуйста, ей.

¹ В ОР ГТГ имеются более поздние телеграммы: одна от Синьорелли Н. Гончаровой от 28 февраля с текстом на фр. языке: “Duse prie envoyer urgenment modèles. Olga Signorelli” <Дузе просит безотлагательно прислать модели. Ольга Синьорелли> (ф. 180, ед. хр. 1696). Гончарова отвечает телеграммой от 1 марта 1921 г.: “Dessins expedies votre adresse 24 fevrier venir Turin impossible pour le moment. Gontcharova” <Рисунки отправлены на ваш адрес 24 февраля прибыть в Турин невозможно в настоящий момент.

Гончарова> (FSFC). В ответ Дузе в тот же день шлет телеграмму: "reçu reçu reçu heureuse heureuse heureuse" <получила получила получила счастлива счастлива счастлива> (ОР ГТГ, ф. 180, ед. хр. 1051).

² Это письмо Гончаровой Дузе ни в фонде Синьорелли, ни в фонде Дузе не сохранилось.

10

Н. С. Гончарова – О. Синьорелли

30 июня 1924, <Париж>

Дорогая Ольга Ивановна,

Это письмо Вам передаст Александра Александровна Корсини,¹ наша большая приятельница еще из Москвы. Она профессор и очень интересный человек, много путешествовала, читает лекции о разных странах, природе и искусстве. Я думаю, что вам обоим будет интересно познакомиться. Черкните как-нибудь словечко о том, как Вы и доктор живете и работаете. Рисуют ли дети? Я хорошо помню, какие они делали хорошие рисунки. Мы с М<ихаилом> Ф<едоровичем> вас часто вспоминаем.

Целую Вас крепко-крепко и оба шлем сердечный привет Вам и милому доктору. Ваша Наталия Гончарова

¹ А. А. Корсини – преподавательница географии в женской гимназии в Москве, путешественница, посетившая в начале века Австралию, Тасманию, Новую Зеландию, Новую Гвинею, Гавайские и некоторые другие страны и города Полинезии и Меланезии; знакомая Л.Н.Толстого: была приглашена в 1909 г. деревню Черткова (близ Ясной Поляны) и прочла для Л.Н.Толстого лекцию об Индии (с волшебным фонарем); оставленная ею этнографическая коллекция в Румянцевском музее ныне передана в Музей антропологии МГУ. См. о ней: *Попов В. А.* Русская путешественница А.А. Корсини // *Вокруг света.* 1910. № 11.

11

Н. С. Гончарова и М. Ф. Ларионов – О. Синьорелли

2.4.<19>49

16, rue Jacques Callot, Paris VI

Tel. Odeon 55-66

Дорогая Ольга Ивановна!

Очень прошу Вас, извините меня за долгое молчание – прежде всего я утерял Ваш адрес, затем мне и Наталии Сергеевне пришлось больше чем на 3 месяца уехать в Монте-Карло, так как мы (она главным образом) работали в балете M<arqui>sa de Cuevas'a (Grand Ballets de Monte-Carlo).¹ После этого я видел Мишо² (мой приятель) и он мне

дал Ваш адрес. Но случилась неприятность: я заболел (печень). Это было очень тяжело. Я пролежал около месяца. Сейчас несколько дней как я выхожу. И я спешу Вам написать. Я и Нат<алия> Серг<еевна> всегда о Вас думаем, так же как о Ваших дочерях, очень талантливых девушках (теперь больших и дамах). Одна из них выставяла в Париже.³ Очень я бы хотел Вас увидеть, так же как и Нат<алия> Серг<еевна>. У нас самые горячие чувства к Вам. Все-таки юные годы в той художественной обстановке, в которой мы прожили <1>916-17 годы тогда в Риме, когда была жива Дузе, был Папини. Ваша большая чуткость и любовь к искусству. Это не забывается всю жизнь. Мы с особенной силой вспомнили все, особенно теперь, когда мой приятель, художник Леонард Михайлович Бенатов⁴ со своей женой (поэт – она шведка) уезжают в Италию на месяца полтора. Я это письмо посылаю сейчас. Они же уезжают в понедельник 5-го. Едут на машине (отомобиле) и наверное будут позднее, особенно если поедут в Рим на обратном пути. Я не знаю, застанут ли они Вас в Риме в это время – летнее – когда отдых, и все уезжают из города. Но если застанут, я их прошу Вас увидеть и передать Вам поклоны от нас обоих и наше горячее желание Вас увидеть. Бог даст, это желание исполнится. Может мы в Рим приедем, а может Вы в Париж. Жена моего друга фотографирует. Я ее попрошу для меня и Нат<алии> Серг<еевны> сфотографировать Вас и, если можно, акварели Наталии Сергеевны⁵ – мне хочется на это посмотреть. Дорогая Ольга Ивановна, кажется, жена Казеллы (моего друга) выпустила книгу о нем.⁶ Если Вам нетрудно, укажите Бенатову, где бы он мог эту книгу приобрести для меня. Пока я и Нат<алия> Серг<еевна> крепко Вас обнимаем. Я целую Вашу руку и оба желаем Вам всего лучшего.

Ваши Н. Гончарова – М. Ларионов

<прписка>

Дорогая Ольга Ивановна!

Скажите, пожалуйста, напишите мне: был ли Маринетти в России в 1910-м году? Или он был там только в 1913-1914 год(у)?⁷ Мне это нужно знать. Вы, если знаете Balla (Балла),⁸ худ<ожник>-футурист или Сага (Карра),⁹ тоже художник-футурист. Ольга Ивановна, может, так много прошло времени, что Вы забыли мое имя. Меня звать Михаил Федорович. Еще раз всего лучшего. Ваш М. Ларионов.

¹ Имеется в виду “Ballet du Marquis de Cuevas”. Гончарова рисовала декорации и костюмы к балету “Le soeur de diamant” и “La régi”. Вместе с Ларионовым она жила с 19 февраля до 8 апреля 1949 г. в Монте-Карло, чтобы наблюдать за подготовкой декораций и костюмов (см. Natalija Goncarova - Michail Larionov. Catalogo. P. 167). В том же году оба художника работали также в балетной труппе Бориса Князева, готовя декорации для оперы Россини “Севильский цирюльник”, поставленной в Лондоне Мясиним.

² Пьер Мишо (Pierre Michaut, 1895-1956), французский театральный и кинокритик. В фонде О. Синьорелли хранятся 59 его писем 1948-1956 гг. (ARI, VI. Т. I. P. 52).

³ Имеется в виду выставка Марии Синьорелли в парижской галерее Zak в 1930 г. О парижской выставке Марии Синьорелли см. также в переписке с Н. Н. Берберовой и В. Ф. Ходасевичем (письма №№ 26, 27), в "Тройной переписке" (письма №№ 20, 29) и в письмах Н. Бенуа (№№ 1, 4) в наст. томе.

⁴ Леонард Михайлович Бенатов (1899-1972), художник, работал в Париже с 1922 г. С 1924 г. выставлялся в салонах: Независимых, Осеннем, Тюильри, Национального общества изящных искусств. В 1930 г. представил свои работы для благотворительной лотереи на традиционном балу прессы в отеле Lutetia. Участвовал в групповых выставках русского искусства в парижских галереях d'Alignan (1931), La Renaissance (1932), Zak (1934). В конце 1940-х – начале 1950-х собирался вместе с Гончаровой расписывать (в технике фрески) часовню в деревне, проект не осуществился из-за болезни Ларионова (см. *Chamot M. Goncharova: Stage Designs and Paintings*. London: Oresko, 1979. P. 22). Член Общества друзей русского искусства и литературы (1946). Участвовал в выставках, организованных Союзом советских патриотов (1945, 1946), в выставках "Французские художники русского происхождения" (Сен-Дени 1960), "Русские художники Парижской школы" (1961), "Значительные картины русских художников во французских собраниях" (Осенний салон 1972). В 1960 г. подарил три работы Государственной Третьяковской галерее. См.: М. Ф. Ларионов и Н. С. Гончарова в письмах Леонардо Бенатова // Наше наследие. Публ. В. А. Пушкарева. 1998. № 47. С. 48-49. Сведений о жене Бенатова (шведской поэтессе) обнаружить не удалось.

⁵ Имеются в виду акварели, отправленные Гончаровой для выполнения по ним керамических блюд (см. письма от 26 апреля 1918 и осень 1918 г.). См. цветные илл. 8, 9.

⁶ Композитор Казелла умер в 1947 г. По всей видимости, книга жены издана не была.

⁷ Маринетти был в России только в 1914 г. Он приехал в Москву 26 января, выступал 27 и 28 января 1914 г., в Петербурге выступал 1 и 4 февраля. Историк футуризма В. Марков исключает возможность более ранней поездки итальянского футуриста в Россию. В связи с приездом Маринетти, Ларионов написал статью в московской газете, в которой призывал публику бросать в него тухлые яйца, и таким образом отомстить за предательство идеалов футуризма (*Markov V. Russian Futurizm*. Berkeley&Los Angeles: University of California Press, 1968. P. 149; русский пер. *Марков В. Ф.* История русского футуризма / Пер. с англ. В. Кучерявкина, Б. Останина. СПб.: Алетей, 2000. С. 131). О поездке Маринетти в Россию см. *Крусанов Андрей*. Русский авангард 1907-1923. Исторический обзор. В 3-х тт. Москва: НЛО, 2010. Т. II. С. 98-147.

⁸ О Дж. Балле см. примеч. 5 к письму № 2.

⁹ Карло Карра (Carlo Carrà, 1881-1966), итальянский художник-футурист. Один из авторов первого футуристического манифеста (от 20 февраля 1909). После 1915 г. переходит к метафизической живописи.

Игорь Стравинский. Рисунок М. Ф. Ларионова. 1924 г.

12

О. Синьорелли – Н. С. Гончаровой

5 мая <19>51
Рим, Via Corsini 12

Дорогая Наталья Сергеевна,

узнала от нашего общего друга Мишо о постигнувшем Вас горе.¹ Все прошлое вдруг представилось душевному зрению, и я почувствовала себя близкой к вам обоим, как в те давние годы, когда вы оба были так близки ко мне.

Очень прошу Вас черкнуть пару слов, и надеюсь, что это будет благополучное известие. Очень возможно, что до лета поеду на несколько дней в Париж, и надеюсь вас повидать.

Обнимаю вас обоих сердечно и нежно. Ваша Ольга Синьорелли

¹ В 1950 г. в Лондоне у Ларионова был инфаркт. Гончарова добралась до Лондона (впервые на самолете) и увезла его во Францию; всю зиму 1950-51 гг. Ларионов лежал в "maison de repos à Châtenay-Malabry, dans la Vallée aux Loups. Années cruciales pour Gontcharova. La maison coûte cher. Elle fai des kilomètres à pied pour aller le voir et ne

mange qu'une soupe par jour. Elle maigrit, devient transparente. Seuls ses yeux gardent leur éclat". <в санатории в Шатэне-Малабри, что в Долине волков под Парижем. Критические годы для Гончаровой. Санаторий стоит дорого. Чтобы навестить его, она проделывает километры пешком. Каждый день у нее на обед один лишь суп. Она худеет, становится прозрачной. Только ее глаза сохраняют свой обычный блеск> (*Loguine T. La vie à Paris. P. 65*).

13

Н. С. Гончарова и М. Ф. Ларионов – О. Синьорелли

<1950?>¹

Дорогая Ольга Ивановна,

это письмо Вам передадут двое очень милых англичан Jean Remberton (художник) и Барбара Pearce (танцовщица).² Оба едут в Италию на несколько месяцев. Я радуюсь, что они увидят Вас и передадут Вам мой и Михаила Федоровича сердечный привет. Надеюсь, что эти молодые артисты будут Вам также симпатичны, как и нам. Это их первое путешествие в Италию, вероятно, их очень волнующее. О нас могу только сказать, что Мих<аил> Федорович поправился и теперь может писать обеими руками и сегодня проработал (живопись) целый après-midi.

Целую Вас крепко оба и желаем Вам всего лучшего.

Ваша Наталья Гончарова и М. Ларионов

¹ Письмо без места и даты, написанное после инфаркта Ларионова.

² Сведения об этих лицах разыскать не удалось.

14

О. Синьорелли – Н. С. Гончаровой

25. VII. <19>54

Grottammare (Ascoli), Albergo Sirena

Дорогая Наталья Сергеевна,

целый век как собиралась Вам писать, но, отлагая изо дня в день, вот прошли опять столько дней и недель!

От Michaut, нашего общего друга, имела время от времени ваши известия, и вы тоже, должно быть, знаете про нас.

Очень бы хотелось повидаться и о многом поговорить. Писать после такого долгого молчания трудно: не знаешь с чего начать...

Фотография эта висит над моей кроватью. Я ее очень люблю. Время, когда Вы мне ее подарили так живо в моей памяти, как будто это было вчера.

Я теперь на взморье, с моей дочкой Марией (та, которая делала фигурки, и у которой есть театр “burattini”). Останемся здесь до 20-го августа. Следующей весной надеюсь поехать в Париж.

Сердечно обнимаю вас обоих и была бы счастлива получить от Вас лично ваши известия. Ваша Ольга Синьорелли

15

М. Ф. Ларионов – О. Синьорелли

23. 3.<19>56¹

<Париж>

Дорогая Ольга Ивановна.

Я очень рад, что зашел Мишо, наш общий друг. Он очень славный человек. Когда я узнал, что Вас интересует книжка о декорациях Русского балета, мы с Наталией Сергеевной были очень рады и с удовольствием дарим Вам эту книжку. Я узнал, что Милоша² Вы знаете хорошо и что он интересуется книгами и фотографиями о балете. Скажите ему, что у меня довольно порядочная коллекция³ и есть много дубликатов, когда он соберется в Париж, пускай зайдет ко мне: 16, rue Jacques Callot, Paris 6^e. Телефон мой Odeon 55-66. Милая Ольга Ивановна, передайте Вашим дочерям мой привет старого друга.

Целую крепко Вашу руку.

Будьте здоровы, и я думаю – до скорого, может быть, свидания.

Ваш всегда М. Ларионов.

<притиска>

Дорогая Ольга Ивановна, очень рада написать Вам эти несколько слов. Позднее напишу еще, сейчас не буду задерживать нашего друга Мишо. Целую Вас крепко. Ваша Н. Гончарова

¹ Письмо отправлено вместе с книгой: Larionov – Gontcharova. Le ballet russe de Serge de Diaghilev. Belvès: P. Wogms, 1955. На книге дарственные надписи от обоих авторов: “Дорогой Ольге Ивановне с дружбой и в память чудесных римских дней. Наталия Гончарова” и “Милая Ольга Ивановна. Очень рад Вам написать, до сих пор я и Наташа видим Вас, как Вы были и мы Вас помним последний раз в Париже и самое сильное воспоминание какой Вы были в Риме. Мы очень жалеем, что не можем Вас видеть сейчас, но очень рады, что эта книжка попадет к Вам. Милая Ольга Ивановна, не судите строго эту книжку. Она Вам напомнит все же о Сергее Павловиче и о нас. Ваш всегда. М. Ларионов. 8 марта 1956. Париж” (APES).

² Аурель Милош (Aurel Milloss, 1906-1988), хореограф, танцовщик и театральный режиссер, венгерского происхождения. Работал для римской Оперы и для миланского театра Ла Скала. Впоследствии – главный хореограф римской Оперы. О нем см.: *Veroli P. Milloss. Un maestro della coreografia tra espressionismo e classicità*. Lucca: Libreria Musicale italiana, 1996.

³ О собрании книг Ларионова см. подробнее: *Fletcher I. K. Larionov – bibliophile // Gontcharova et Larionov. Cinquante ans à Saint Germain-de-Près*. P. 183-184.

Н. С. Гончарова и М. Ф. Ларионов в парижском ателье на Rue Visconti, 13. Париж, 1955 г. Фото Alexandre Libermann

16

Н. С. Гончарова и М. Ф. Ларионов – О. Синьорелли

Vernet-les-Bains, 31-5-57¹

Милый, дорогой друг! Самый старый друг из всех!

Как под старой, ржавой травой, омоченной весенним дождем, – дрожит весенняя земля и на ней лепестки розовые цветущей яблони, еще не потерявшие тепла весенних лучей, так наша дружба, возникшая в Риме в те далекие, можно сказать, героические времена, 40 лет тому назад, еще крепче, еще ценнее. Теперь мы ближе к Вам отсюда, на пол-дороге из Парижа в Рим. Но хотелось бы быть в Риме и увидеть и обнять Вас снова, дорогая Ольга. Действительно, на свете есть только дружба, это чувство остается и живет чем дальше, тем с большей силой. Сейчас мы оба больные, и я Вам пишу больной рукой. Мне – 76 лет, Наташе тоже, и она плохо ходит. Я вспоминаю Ваших девочек и их рисунки. Если не ошибаюсь, Мария и Елена. Рисунки очень красивые. Я их до сих пор храню. Это ничего, что я Вам отвечаю на Ваше милое письмо только сейчас? Ваше пожелание исполнилось: мы себя чувствуем хорошо. Наташа прочла по-итальянски Вашу книгу о Дузе. Это лучшее, что она о ней читала. Читая о Дузе, перед нами возникал Ваш образ, какая Вы были в ту зиму в 1916 году, когда мы познакомились в Риме. Как странно, для нас время точно и не прошло. В воскресенье мы отсюда уезжаем и будем в Париже в понедельник. Дайте весточку о Вас. Обнимаем и целуем Вас и дочек Ваших крепко-крепко.

Ваши всегда Наталия Гончарова и М. Ларионов

¹ На гостиничном бланке Hôtel Alexandra, Vernet-les-Bains (Pyrénées Orientales), France. К письму приложена открытка с видом St. Martin du Canigou (Пиренеи восточные). “Дорогая Ольга, наш милый друг. Пишу Вам почти с испанской границы, куда попала, чтобы немного оправиться от ревматизма. Немного лучше. За Вашу прекрасную книгу о Дузе бесконечно благодарю Вас. Я думаю, никто лучше Вас не мог бы сказать о ней. Целую Вас крепко-крепко и шлю сердечный привет Вашем обеим дочкам. Наталия”.

17

Н. С. Гончарова и М. Ф. Ларионов к О. Синьорелли

26. 8.<19>57 , <Париж>¹

Дорогой друг Ольга Ивановна.

Дорогой друг Ольга (позволите?)

Вот уже Бог знает сколько времени, как я получила Вашу прекрасную книгу о Дузе, и за весь год не поблагодарила Вас. Этот год был

очень тяжел – очень длительный для меня: с прошлой осени у меня было много работы, волнительной и спешной.²

Ларионов тоже не так уж хорошо себя чувствовал. А я все больше и больше расхварывалась и слабела, и к концу зимы захворала очень сильным ревматизмом и главное в руках. Да и моральное состояние было не очень хорошее.

Теперь, после четырехмесячного перерыва, понемногу принимаюсь за работу – так что, надеюсь, к зиме смогу быть в полном порядке. Это письмо допишу. Но потом напишу более веселое. По Вашей книге о Дузе я многому выучилась – и по части работы, и по части понимания актерской и вообще театральной работы, а так как не говорю по-итальянски, а книга эта меня глубоко заинтересовала, то я сделала усилия, чтобы хоть немного исправить этот пробел моего образования. Мне удалось книгу прочитать, и одну главу даже по-русски перевести Ларионову. Еще раз спасибо Вам от него и от меня. Дорогой друг, целуем Вас крепко, крепко.

Наталия и Миша Л.

<приписка на полях>

Получили ли Вы наше письмо из Vernet-les-Bains этой весной?

¹ На конверте: Exp. N. Gontcharova, 16, rue Jacques Callot, Paris 6.

² В 1956 г. прошла ретроспективная выставка (Париж, Galerie de l'Institut). В 1957 г. выставка "Art abstrait – Les premières générations" (Saint-Etienne). Кроме того, Гончарова готовила для Фокина ("Le Théâtre d'Art du Ballet") декорации и костюмы к балету "Игрушки" и работала одновременно над декорациями ко многим балетам: "Les elphes", "Eros", "Islamili", "L'apprenti sorcier", "Les Sylphides", "Петрушка".

СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ ГРИГОРЬЕВ¹

85 Templars avenue London N.W.H.

13 Мая 1954

Уважаемая Ольга Ивановна!

Ваше письмо, от 29 апреля, хотя и с некоторым запозданием, я получил и тотчас же снесся с моим издательством Constable,² ввиду Вашей просьбы не задержаться ответом, и послал Вам телеграмму 10 Мая. Теперь я хочу несколько объяснить Вам положение вещей. Дело в том, что по контракту с Constable, все издания моей книги, на других языках, должны быть сделаны через него;³ и переводы должны быть произведены с английского языка, потому что первое издание ее было на нем. Объясняется это тем, что текст по-английски несколько сокращен, и, если бы Вы сделали перевод с моей рукописи, по-итальянски, то он не совпал бы с переводом по-английски, что, ввиду того, что первое издание еще не распродано, делать не следует. А потому Г. Казини должен непосредственно обратиться к Constable,⁴ о чем я и сообщил Вам в своей телеграмме.

Со своей стороны, хочу сказать, что, если Вы владеете английским языком, то для Вас не составит труда перевести с него мою книгу или, может быть, Вы это можете сделать с кем-либо в содружестве. Единственно, что меня несколько удивляет, это срок, к которому Казини хочет выпустить книгу. Уже очень он короток!

К моему сожалению, должен Вам признаться, что я не могу Вас вспомнить. Правда, прошло очень много времени с 1917 г.,⁵ да, вероятно, и встречались мы тогда с Вами редко. Но, если судьба меня вновь занесет в Рим, в который я, с юных лет, влюблен и в котором последний раз я был в 1951 году, где и закончил свою книгу, то я, непременно, побывало у Вас и с удовольствием возобновлю наше знакомство.

С Гончаровой и Ларионовым я часто встречаюсь в Париже, а теперь, временно находясь в Лондоне, где я восстанавливаю в балете "Sadler's Wells"⁶ "Жар-Птицу" Стравинского для Дягилевского фестиваля в Единбурге в августе месяце,⁷ я встречаюсь с Лопуховой,⁸ моей старой и верной приятельницей.

Конечно, мне будет чрезвычайно приятно, если моя книга выйдет по-итальянски, в стране, которую так любил Сергей Павлович.⁹

Хочу Вам сообщить мой постоянный адрес: Serge Grigorieff c/o Madame N. Bouskonnet 45 rue de la Boetie Paris 8.

Но сейчас я думаю пробыть в Лондоне до начала сентября.
Примите лучшие пожелания от меня и остаюсь
с уважением Сергей Леонидович Григорьев

¹ Сергей Леонидович Григорьев (1883-1968), артист балета, режиссёр. Окончив Петербургское театральное училище, в 1900-1912 гг. работал в Мариинском театре. Гастролировал по России и за границей. В 1909-1929 гг. режиссёр, исполнитель мимических ролей и администратор труппы “Русского балета” Дягилева. В этой роли, наверно, он познакомился с О. Синьорелли во время гастролей труппы в римском театре Костанци зимой 1917 г. В 1932-1952 гг. работал в труппах “Ballet russe de Montecarlo”, “Original Ballet Russe”, “Ballets russes du Colonel de Bazil”. Автор книги “The Diaghilev Ballet. 1909-1929”, о которой идет речь в письме.

² Английское издательство Constable & Co. было основано в 1890 г. Арчибальдом Констеблом, внуком издателя Вальтера Скотта.

³ См.: *Grigoriev S. L. The Diaghilev Ballet 1909-1929. Transl. and ed. by Vera Bowen.* London: Constable, 1953.

⁴ Издатель Казини выпустил второе издание книги Ольги Синьорелли о Дузе (см.: *Resnevic Signorelli O. La Duse.* Roma: G. Casini, 1955).

⁵ О постановке Григорьевым в театре Костанци 9 апреля 1917 г. балета “Менины” см. в преамбуле.

⁶ Sadler’s Wells – известный лондонский театр, основанный в 1683 г.

⁷ 23 августа 1954 г. на Эдинбургском фестивале Дягилев поставил “Жар-Птицу” с Margot Fonteyn (см. об этом: *Buckle R. The Diaghilev exhibition from the Edinburgh Festival: catalogue.* London: Forbes House, 1954).

⁸ Лидия Васильевна Лопухова (в замуж. Keynes, 1892-1981) – артистка балета, драматическая актриса, балетный критик. Окончила Петербургское театральное училище. В 1909 г. выступала в Мариинском театре, в 1910 г. – в Русских сезонах в Париже. В 1910-1916 гг. работала за рубежом (США и др.), в 1916-1924 гг. – в труппе Русского балета Дягилева. В 1925 г. вышла замуж за знаменитого экономиста Дж. М. Кейнса и жила в Великобритании. Выступала также в труппе “Vic-Wells Ballet”, работала балетным критиком. Умерла в Сифорде (Великобритания). В фонде Синьорелли хранятся 4 ее письма (ARI, VI. T. I. P. 44).

⁹ С. П. Дягилев.

ПИСЬМА СЕРГЕЯ ГОРНОГО (1920-е – 1942)

Публикация Альбина Конечного

Сергей Горный (наст. имя и фам. Александр-Марк Авдевич Оцуп; 28.VII / 9.VIII. 1882, г. Остров Псковской губ. – 1948, Мадрид), – поэт-юморист, пародист и прозаик.¹ Брат поэта Николая Оцупа.²

Революция застала Горного на Украине. В 1919 году с приходом армии Деникина, он служил в его войсках на Черноморском флоте; позже попал в плен к махновцам, был тяжело ранен, и вывезен англичанами для лечения на Кипр. С 1920 года он жил в Берлине, где публиковал очерки об эмигрантской жизни и свои воспоминания о покинутом Петербурге в журналах: “Веретено”, “Веретеньш”, “Жар-Птица”, “Наш век”, “Наш мир”, “Театр”, “Театр и жизнь”, “Театр и музыка” и в газетах “Время” и “Руль”, а также сотрудничает в периодических изданиях: “Возрождение” и “Русская газета” (Париж), “Русское дело” (София), “Русское слово” (Варшава), “Сегодня” и “Сегодня вечером” (Рига) и др. В Берлине изданы все шесть его книг.

Сергей Горный продолжал находиться в Берлине и в 1940-х годах, и только в конце жизни поселился в Мадриде.

Обширную информацию о братьях Оцуп см. также по интернет-адресу: http://kfinkelshteyn.narod.ru/Tzarskoye_Selo/Uch_zav/Nik_Gimn/Otsup_family.htm³

¹ Биографические сведения о Сергее Горном в доэмигрантский период и список его книг см. в автобиографической справке, которую он прикладывает к публикуемому ниже письму (№ 3). Их корректировку см. также в примечаниях к этой справке.

² См. письма Н. А. Оцупа в втором томе наст. издания.

³ См. также о нем: Русские писатели. 1800-1917. М. 1989. Т. 1. С. 638-639; Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918-1940. Писатели Русского Зарубежья. М. 1997. С. 133-135; *Конечный А.* Альбом памяти // *Горный С.* Альбом памяти: Санкт-Петербург (Видения). Только о вещах. СПб. 2011. С. 5-26; *Оцуп Р.* Оцупы – моя семья: Генеалогическое исследование. СПб. 2004; *Фингер Арон* (Александр Оцуп). Сын, отец и пять матерей. Израиль 2005.

Судя по первому письму, Сергей Горный познакомился с Ольгой Синьорелли в 1923 году, во время ее первого посещения Берлина, когда она вошла в круг русской берлинской эмиграции. Другие детали и обстоятельства их отношений известны только по публикуемым письмам.

Письма Сергея Горного публикуются по автографам, хранящимся в фонде Синьорелли. Сведениями о существовании обратных писем Синьорелли к Горному мы не располагаем.

Сергей Горный. 1910-е гг.

1

24. V <1920-е?>¹

Глубокоуважаемая Ольга Ивановна!

Во время своего давнего, к сожалению, краткого посещения Берлина² Вы были добры разрешить мне, буде понадобится, обращаться к Вам за советом и содействием.

Мне хочется просить Вас сегодня оказать доброе внимание артистически одаренному, талантливому юноше Алексею фон Шлиппе, переехавшему недавно в Рим. Он сын доброго знакомого нашей семьи, известнейшего русского общественного деятеля Ф. В. фон Шлиппе.³ Не откажите благосклонно принять сего талантливого юношу. Ему нужно только одно: знакомства в литературной и артистической среде. Никакими просьбами он Вам, понятно, в тягость не будет. Вы сами убедитесь в том, что я представил Вам деликатнейшего, милейшего и одаренного юношу.

Сердечное вам спасибо и привет.

С самыми добрыми пожеланиями, искренне Ваш

Серг<ей>Горный

¹ Оригинал самого письма не сохранился; текст публикуется по ксерокопии из домашнего архива О. Синьорелли. Год устанавливается по содержанию, так как почтовый штемпель не читается.

² О. Синьорелли была в Берлине в 1923 г.

³ Федор Владимирович фон Шлиппе (1873-?), директор департамента министерства земледелия, агроном, землевладелец. Сын государственного деятеля и действительного тайного советника Владимира Карловича (Рудольф Август Вольдемар, 1834-1923). Эмигрант. В 1920-е – 1930-е гг. – представитель Российского Общества Красного Креста в Германии. В 1944 г. подписал так называемый “Пражский манифест” Комитета Освобождения Народов России генерала А. А. Власова.

2

25 окт<ября> 1938

Сердечно-уважаемая Ольга Ивановна!

От души благодарю Вас за прекрасную книгу Вашу.¹ С какой бережностью, с какой любовью и пиететом, с каким чувством “ответственности” она написана... Надеюсь, что Вы получили мою вторую, недавно посланную Вам книгу² и что она пришлась Вам по душе. Примите сердечнейший привет от Екатерины Николаевны³ и от меня.

С душевной симпатией Сергей Горный

¹ Книга Синьорелли о Дузе вышла в 1938 г.

² Речь идет о книге Горного “Только о вещах” (Берлин 1937).

³ Екатерина Николаевна Абрамова (1886-1962) – жена Горного.

3

27. III <19>39

Сердечно-уважаемая Ольга Ивановна!

Большое спасибо Вам за память, письмо и добрые слова о моей книге. Охотно исполняю Ваше желание и шлю фотокопию статьи моей о Дузе.¹ Буду рад, если этот маленький этюд Вам частично или полностью пригодится. Располагайте этим этюдом – как Вам будет угодно.

Я не помню, какая именно книга была мною Вам поднесена. Если Вам она пришлась по душе – был бы от души рад познакомить Вас с прочими. При сем список (и маленькая заметка обо мне – перевод с немецкого – дабы Вы знали “с кем имеете дело”).

Нек<отворые> книги из этого списка уже разошлись. Может быть в Риме у книжн<ого> торговца, могущего поискать нужные на русском книжном рынке, Вы – если захотите – сумеете найти ту или иную книгу. За ласковое слово о жене моей, Екатерине Николаевне и о дочери Людмиле – самое ласковое спасибо.

Дай Вам Бог здоровья, душевного уюта, успехов. Мои “дамы” кланяются.

Преданный Сергей Горный

Мое отчество: Авдеевич.

Мой адрес: Berlin W. 30, Spreyererstr. 18

ПИШИТЕ!

¹ См. *Горный С.* Элеонора Друзе (Листок на могилу) // *Сегодня* (Рига). 30 апреля 1924.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Список книг

Сергей Горный

1. “Рассказы”. С. Петербург изд. Сатирикон 1913
 2. “Узоры по стеклу”. Рассказы С. Петербург изд. Сатирикон 1914
 3. “Почти без улыбки”. СПб изд. Новый Сатирикон 1915 Аркадия Аверченко
 4. “Ржавчина духа”. СПб Екатеринославское изд-во 1917
- Психологические этюды